

12+

Александр Гребёнкин

Милый мой волшебник

16+

Александр Гребёнкин

МИЛЫЙ МОЙ ВОЛШЕБНИК

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=45277691

SelfPub; 2019

Аннотация

Корнелий, герой повести «Милый мой волшебник», выдает себя за мага с целью получения прибыли обманным путем. Но, оказывается, что его магические действия имеют свойство сбываться! И немаловажную роль в преображении главного героя играет вспыхнувшая любовь к случайно встреченной им девушке.

Милый мой волшебник

сказочная повесть

Часть 1. Весна

Глава первая. Заказ

Весна наполнила город, умыла его свежими дождями, и Корнелий, стоя на балконе, наблюдал, как Дарья кормит птиц. Они слетались к ней – трепетные, почти невесомые, судорожно цеплялись лапками за перила и склевывали с рук зерно.

Размытые облака были словно перья.

Телефонный звонок оторвал Корнелия от созерцания красивых птиц.

Он нажал на кнопку телефона и сразу прошел в комнату, не желая, чтобы слышали соседи.

В трубке был незнакомый встревоженный женский голос.
– Простите, я говорю с Ну, вы давали объявление, что вы, мол... волшебник...

У Корнелия мороз пошел по коже.

– Ну, в общем – да...

И придал серьезности и металла в голос:

– Я слушаю вас.

На том конце замешкались, а потом женский голос решительно произнес:

– Я нуждаюсь в помощи, в очень важной, срочной помощи...

Корнелий перебил женщину:

– Вы знаете, что мои услуги дорого стоят?

Та в ответ взволнованно заговорила:

– Да я... Я готова на все! ... У меня...

Корнелий опять перебил:

– Простите, но я не говорю о делах по телефону. Давайте где-нибудь встретимся...

Голос задрожал:

– Конечно..., я не против... Но где...

– Кафе в Русалочьем сквере знаете?

– Ой, я плохо знаю этот район... Но я найду...

Корнелий объяснил:

– Как только выйдете у парка, сразу поворачивайте налево и идите вглубь. Там детская железная дорога.... Знаете? Ну и ... рядом...

– Да, да, я найду, – затараторила женщина. Но только, когда? Нельзя ли побыстрее? Дело срочное, несчастье...

Корнелий сказал веско:

– Я понимаю. Сегодня в шестнадцать ноль-ноль. И прошу вас – никаких провожатых. В интересах дела важно, чтобы вы были сами. Чужая энергетика не должна вторгаться... И никаких записей!

– Да, да... А какая сумма?

– Ну сначала мы узнаем проблему. Консультация стоит

(он назвал сумму). Деньги должны быть с вами в конверте. В голубом... Обязательно в голубом. Наденьте белое платье. Оно отражает негативные эманации.

– Хорошо.

– Жду.

На этом разговор прервался, Корнелий перевел дух.

Он заметил, что Даша прислушивается к разговору. Корнелий сел в кресло, вытер испарину со лба.

Даша вошла в комнату.

– Ну, как?

– Ключуло! – выдохнул он.

Даша хлопнула в ладоши.

– Ну вот, я же говорила! Да у тебя чудесные способности! Одна энергетика рук чего стоит! И с такими-то делами мы и горы свернем.

– Дай Бог из всего этого выпутаться, – промолвил Корнелий, но она запечатала его уста поцелуем.

Марево пряной духоты охватило город. Пахло мятой и сиренью. Невысоко над землей носились ласточки, похожие на музыкантов во фраках.

Корнелий сидел под зонтиком в кафе и наблюдал, как темно-фиолетовые тучи постепенно завоевывали горизонт.

Женщины все не было и от волнения Корнелий начал раз-

рисовывать салфетку.

Она появилась внезапно, подойдя со спины: невысокая, крепко сбитая, в шляпке и темных очках. Очки прятали заплаканные глаза. В руке она нервно теребила платочек.

– Простите, не вы ли Корнелиус Тук?

Корнелий не ударил в грязь лицом.

– Подкрадываться было не обязательно. Я вас уже давно заметил. Присаживайтесь. Еще раз приветствую вас. Вам сейчас хочется выпить вина...

– Как вы угадали? – спросила дама в шляпке и очках, присаживаясь напротив.

– Это элементарно... Прочел в вашей голове.

– Так вы и мысли умеете читать? – с некоторым удивлением спросила женщина, тяжело вздыхая.

– Иногда, – коротко сказал Корнелий, не желая обсуждать скользкие темы, считая резонно, что время работает против него, и чем дольше он будет с нею говорить, тем большей степени загадочности он может лишиться.

– Ладно, давайте о деле. Вас зовут Лидия... У вас личное горе...

Дама, сняв очки, уставилась на него в упор янтарными глазами, будто удивляясь, попадая под его обаяние.

– Да, меня привело к вам горе, большое горе... У меня пропал сын...

– Когда? – быстро спросил Корнелий, не сводя пронзительно синих глаз с женщины.

Она тяжело вздохнула.

– Уже целых две недели прошло. Это произошло (она назвала дату).

Корнелий продолжал смотреть на женщину во все глаза, будто гипнотизируя ее.

– При каких обстоятельствах это произошло?

– Он ушел из дома и не вернулся. Он поругался с отцом.... Точнее (она сделала паузу) – с приемным отцом. У меня был развод... с первым мужем, я живу с другим мужчиной.

– Понятно... На учебу ходил? – забросил удочку Корнелий.

– В этот день нет, – заспешила Лидия. – Я и в школе была. Он во втором классе учится.... Я и друзей давно всех обзвонила и оббегала. Нет!

– Телефон?

– Не отвечает! «Абонент не доступен» ...

– В полицию обращались? – твердо спросил Корнелий.

– Конечно... Да толку-то... Пропал мой мальчик... Боюсь, что и в живых-то его уже нет...

Лицо Лидии поморщилось, она залилась слезами, достала платочек...

– Успокойтесь, – мягко сказал Корнелий, подождав, пока женщина выговорится.

Она говорила долго и сбивчиво.

– Такой мальчик – хороший, послушный. И учился хорошо. Доверчивый... А вы знаете какое сейчас время – не то,

что раньше! Убийцы, маньяки, насильники... Страшно подумать!

– Может дурная компания?

Лидия замотала головой.

– Вряд ли... Он с такими пацанами не очень-то...

– Самоубийство?

Женщина даже захлебнулась, прикрыв рот:

– Да вы что.... Нет, нет...

И снова принялась плакать и причитать. Потом рассказала о ссоре с отчимом, после которой мальчик и ушел из дома.

Дождавшись небольшой паузы, Корнелий взял ее за руку.

– Тише. Скоро все кафе узнает наши секреты...

Лидия закивала головой, успокаиваясь.

– Фото принесли?

– Да, конечно, – женщина стала рыться в сумочке, достала три фотографии.

Особо они ничего Корнелию не сказали – мальчишка, как мальчишка, таких сотни – вихрастый, глазастый, с веселинкой в глазу. Похож на мать...

– Я возьму себе одно фото?

– Да берите все три, вдруг понадобятся, – сказала Лидия.

– Не надо. Только одно- строго сказал Корнелий, выбрав фото «фас».

Женщина, набравшись решимости, жалобно заговорила:

– Я вас очень прошу – найдите его. Ведь вы же волшебник!

– Тише, – зашипел Корнелий.

– Вы же все умеете, все знаете. Вы же человек необыкновенный, я же вижу! Вы же можете. А за ценой я не постою...

Корнелий, приблизив к ней лицо, шепотом спросил:

– Деньги при вас? За консультацию...

Та кивнула, осторожно оглянувшись, сунула голубой конверт, который мигом растворился в куртке Корнелия.

Тот уставился на нее.

– А теперь слушайте мои советы. Из дома три дня никуда не выходить. На работе возьмите отпуск. Через три дня я Вам позвоню и передам одну магическую вещь. Она тоже стоит денег... Что делать дальше – скажу потом...

Лидия закивала головой, вытирая глаза.

Уйдя достаточно далеко от места встречи, Корнелий сел на скамейку под кустом сирени. Он уже жалел, что послушал Дарью и вообще стал морочить голову этой несчастной женщине. Ведь он не сыщик, найти ее сына он не сможет и решился на эту авантюру ради заработка.

«Я слишком мягок», – подумалось ему. – «Жалею всех и вся. А вот меня никто и никогда не жалел. Меня лупил отец, и чтобы избежать очередной порки я был вынужден притворяться, изворачиваться. Вот и стал таким. А почему бы мне из этого не извлечь выгоду? Ведь Даша уверяет меня в магических способностях. Взгляд у меня, видите ли, какой-то особенный, экстрасенсорных способностей не ли-

шен, да и руки наэлектризованные, облегчение дают... Какая ерунда...»

Духота и какое-то внутреннее напряжение нарастали с неведомой силой.

Корнелий вздохнул.

«Но, тем не менее, дела идут не так уж плохо, – решил он. – Удалось кое-что заработать. Если далее так дело пойдет, то скоро буду с наваром...»

Первые капли дождя упали ему на руку. Он посмотрел на насупившуюся тучу.

«Есть идея», – подумалось ему, – «ее можно попробовать осуществить».

И решительно набрал номер Кукольника.

Глава вторая. Кукольник

Кукольником он называл Нестора Салогуба – своего одноклассника, который зарабатывал созданием кукол на заказ. Также Нестор сотрудничал с кукольным театром, не только создавая новые куклы для спектаклей, но и играя с ними небольшие роли.

Раскаты грома, похожие на орудийные выстрелы, сотрясли город. Тучи, рваные словно вата, разметывались по быстро темнеющему небу.

Дождь залопотал по крыше павильона, под которым укрылся Корнелий.

Помрачнело и потемнело, струи полосовали, высверки молний озаряли надвигавшийся, темнеющий мрак.

В автобусе было полно мокрых нахохлившихся, словно птицы, пассажиров.

Какой-то человек, с орлиным носом, худой и сутулый, в наброшенном на лицо капюшоне, из которого летели брызги, стоял неподалеку, и Корнелий чувствовал его острый взгляд.

Он отвернулся от этого человека и сосредоточил свое внимание на дожде за окном. Град стеклянными шариками застучал по дороге, но, спустя пару минут, он закончился, оставалась лишь обильная влага.

Укрывшись от дождя курткой, Корнелий выскочил на остановке, перепрыгивая через бурные мутноватые ручьи, пузырящиеся лужи, добежал до знакомого поворота.

Оглянулся- человек в куртке с капюшоном тоже вышел. Двигался он, или стоял – невозможно было понять в этом мареве.

Корнелий быстро зашагал по освеженной улице, подгоняемый в спину залетевшим из степи ветром. Его туфли стучали по плитам мостовой.

Оглянувшись в последний раз и не заметив более фигуры в черном, он вошел в полутемную арку и спустился в подвал, откуда шло оранжевое сияние.

Нестор покачивал круглой головой. Он и сам напоминал

куклу: голова лысая, обтянутая гладкой розовой кожей, худой, движения острые, угловатые, слегка механические, будто у робота. Когда говорил, то взмахивал длинными руками. Он был мастером наиболее реалистичных кукол-детей.

– Почему – то считается, что только скульптор или живописец творит настоящие произведения изобразительного искусства, а ремесло художника-кукольника – вроде как что-то несерьезное... Несерьезное вроде...

У Нестора была привычка повторять отдельные фразы, как бы для того, чтобы подчеркнуть самое значимое.

– Видимо ремесло твое слишком уж незаметное, чтобы его оценили, – ответил Корнелий, потягивая капучино, удобно рассевшись в кресле, наблюдая и за работой мастера и за тем, как домашний прирученный шимпанзе Жорфе всю орудует веником, подметая стружку.

Нестор тут же делает замечание по поводу слишком рьяной работы обезьяны.

– Уймись! Потихе, друг мой любезный! Потихе! – говорит он, потому что Жорфе, в неумолимом рвении, блестя веселыми коричневыми глазами, поднимает невероятную пыль в мастерской.

Жорфе озорно глядел из облака неопишуемой густоты, а Нестор между тем продолжал:

– Так вот, нас часто художниками не считают... Не считают художниками... А что такое кукла в моем исполнении? Как ты думаешь, а?

– Это произведение искусства, образ, – поддакивал наугад Корнелий, сдувая пену.

– Именно. Рад, что хоть ты это понимаешь! Это, по сути, игрушечная имитация живого существа... Живого существа! В кукле главное – выразительность! А сколько времени и мастерства уходит на то, чтобы сделать куклу сбалансированной конструкцией, устойчивой, а то и подвижной... На создание такой куклы уходят месяцы... Вот представь себя на месте ребенка. Какие куклы тебе интереснее: неподвижные красавицы или такие, у которых шевелятся руки и ноги?

– Мне нравятся заводные куклы, – сказал Корнелий, глядя на серую погоду за окном. На мгновение ему показалось, что в подвальном окне мелькнула знакомая мокрая фигура с накинутым капюшоном, помаячила и пропала.

«Показалось», – подумал Корнелий. – «Теперь, когда я начал свое дело – стало многое *казаться*».

– А для того, кто ценит куклу как художественное явление, на первом плане будет необычность замысла и мастерство исполнения... Необычность и мастерство! – между тем продолжал свои рассуждения Нестор, раскладывая на верстаке отдельные части куклы – ноги, руки, голову, работая словно хирург.

Корнелию Нестор так напомнил папу Карло, что он заулыбался, но тут же постарался скрыть улыбку.

– А дети играют твоими куклами? – спросил он быстро.

– Мои куклы редко попадают в руки детей. Все-таки ра-

бота ручная, индивидуальная, так сказать... Нет, удел моих творений – актерская игра в кукольных театрах, мультиках... Мои создания украшают комнаты, выставляются в галереях. Недаром говорят, что ремесло кукольника – это с одной стороны искусство, а с другой – игра. Для настоящего художника кукла – это почти живое существо. Да, живое существо! А кукла для театра – это ещё и персонаж пьесы. И чем искуснее кукольник, тем живее получается персонаж. Таким образом я создаю и марионетки, и планшетные куклы...

– Ну у тебя и уродцы, – заметил Корнелий, поглядывая вокруг на кукольные головы.

– Да это ты на нечистую силу всякую глядишь, – сказал спокойно Нестор. – Это куклы – актеры. Именно – актеры! Тут важна не красота, а выразительность и простота управления.

Потом он, обернувшись, внимательно посмотрел на Корнелия и сказал:

– Так вот, думал я над твоим заказом. Понимаешь, чтобы создать куклу, нужно придумать и воплотить её внешность, характер. Если речь идёт о заводной кукле или кукле-актёре, нужно также продумать внутреннее устройство, механику. Тут придется работать и с деревом, тканями, быть может с полимерной глиной, фарфором, красками и ещё со многими другими материалами. Подумай, каждая кукла требует особых технологий...

Корнелий перебил его длинную тираду:

– Нестор, ты слишком усложняешь дело. У тебя ведь есть заготовки туловища. Значит нужна лишь голова. Фотографию я тебе оставляю. Полного сходства от тебя не требуется... А вот со сроками... Тут буду тебя торопить...

Нестор блеснул лысиной в его сторону.

– Мне интересно – что ты задумал... Что задумал ты?

Корнелий поставил стакан и забарабанил пальцами по столу.

– Ну, считай это чем-то вроде психотерапии... Нужно излечить одну пациентку. Вот таким способом.

Нестор улыбнулся:

– Ты стал психиатром?

Корнелий рассмеялся и приложил палец к губам.

– Тсс, это пока тайна. Как-нибудь потом открою.

От неприятных расспросов спас стук в окно. Потом было слышно, как человек спустился вниз по лестнице – шаги звучали, но туфли были мокрые, звук приглушенный.

Нестор, занятый работой, попросил Корнелия открыть.

Когда дверь отворилась, на пороге стоял худощавый и высокий молодой человек с длинным носом. С его капюшона сбежали капли дождя.

– Привет! Вот уж кого не ожидал увидеть! Не ожидал! Ты чего зашел, Дрозд? – спросил Нестор, вытирая руки, прищурив глаза, вглядываясь в вошедшего.

Корнелий посторонился.

Гость вошел, отряхиваясь, что-то сказал непонятное, по-

косившись на Корнелия. Стало неприятно и, договорившись с Нестором, пообещав перезвонить, Корнелий заспешил во влажный умытый мир улицы.

Глава третья. Незнакомка

Он шагал по вечернему городу под шум и скрип деревьев, под нависающим чёрным небом. Ветер трепал цвет, рассыпая его веером, обдавая редких прохожих острым пряным запахом. Приближение грозы распугало всех, лишь одинокие фигуры под зонтиками двигались быстрым шагом, стараясь спастись от сырости, острого ветра и неминуемой партии нового дождя. Ветер шелестел у фонаря, нес новые капли, летевшие в лицо.

Корнелий миновал высокую башню и подходил к порту – отсюда шел автобус по направлению к его дому.

Чтобы спастись от накрапывающего дождя, он поспешил к небольшому скверу, недалеко от автобусной остановки. У качающейся на ветру рябины под навесом стояли две скамейки. С наслаждением вдыхая свежий воздух, Корнелий сел на мокрую скамейку.

Отдельные капельки попадали на его лицо; ветер пронизывал легкую курточку, но не охлаждал тела.

Далеко, где-то за темным городом, слышались громовые раскаты.

Подошли две женщины под зонтами в легких плащах,

оживленно о чем-то говоря, прошли мимо, усевшись на соседней скамейке. Ветер доносил обрывки их разговора. Корнелий сначала не обращал внимания, думая о своем, а потом, поневоле, ухватил нить разговора, который был то растерянным, то тревожным.

Женщина постарше упрекала более молодую, вероятно родственницу, а быть может дочь. Та что-то отвечала тихим, чистым, приятным, но очень грустным голосом.

– Как ты могла вообще решиться на такое? Ты подумала обо мне? Что бы со мной было, если бы тебя не стало? В конце концов, нельзя же из-за таких проблем впадать в панику. Во-первых, это еще не приговор... Во – вторых, даже если что... ну живут же люди и так? – говорила старшая с большим запалом чуть повышая голос.

Младшая все вздыхала, теребила в руке платочек.

– Да кому я нужна после всего этого? – сказала она подавленно.

– Как кому? Мне... Бабушке... Мы не бросим тебя... По-можем...

Девушка, волнуясь, задержала в груди воздух, потом выдохнула, и вытерла глаза.

Корнелий осторожно посмотрел на нее. В темноте ее локоны выпали из-под берета, развивались по ветру черными парусами.

Старшая еще что-то говорила, девушка подавленно кивала, но слов нельзя было разобрать – заглушал шум машин.

Тут подошел их автобус, и они пошли к освещенной двери. На мгновение на свету блеснули карие усталые глаза девушки, покорно бредущей за старшей.

Красота незнакомки влетела в грудь Корнелия трепетной птицей, и он боялся ее вспугнуть.

Автобус фыркнул и уехал.

Корнелий остался ожидать свой транспорт. Почему-то ощутил на душе такую тоску, грусть по незнакомой девушке, что жалел, что она вот так, на мгновение, появилась в его жизни и ушла.

Он заметил на скамейке что-то темное, подрагивающее на ветру. Очевидно женщины что-то забыли... Пакет, что ли? Он осторожно подошел и увидел женскую сумочку. На ощупь мягкую, податливую.

«Вот тебе на, сумочку забыли», – подумал Корнелий. Встав, он посмотрел вслед уехавшему автобусу. Кричать не было смысла. Возможно женщины вернутся за ней, но останется ли здесь сумочка? Не заберут ли ее прохожие?

Корнелий положил сумочку рядом, ожидая появления женщин, которые, несомненно, сойдут на ближайшей остановке и придут за нею. Но плавно текли, поплескивая, воды реки, и дождь уже совсем кончился, и минуло еще пятнадцать минут, а никого не было. Сев в свой автобус, Корнелий поехал, держа в руке неожиданную находку.

Дома он из чистого любопытства открыл сумочку. Ничего особенного: простенький мобильник, блокнот, малень-

кая ручка, косметичка, платочек ажурный, вышитый, тонкие черные перчатки, совсем маленькие, на миниатюрную руку. Тем не менее эти простые предметы волновали Корнелия, ведь они принадлежали той загадочной кареглазой незнакомке и давали шанс увидеть ее. Без сомнения, они вернуться, будут искать сумочку, а потом она позвонит, возможно с маминого телефона на этот, чтобы разведать где находится ее пропажа.

Но, как ни странно, шло время, прошла ночь, наступило душистое влажное, свежее утро, в котором, как в детском калейдоскопе, перемежались краски солнечного и пасмурного характера, скоро должна была прийти Дарья, а звонка от таинственной девушки все не было.

«Она что, в таком состоянии, что не заметила, что сумку где-то забыла? Или ей все равно?». – думал Корнелий.

Он лениво пролистал блокнот – ничего особенного: приклеенные сердечки к страницам и кошечки, крылатые выражения из литературы, в том числе из «Библии», масса скучной информации: какие-то цены, рецепты лекарств, советы по пошивке чего-то, адреса, имена....

Он просмотрел телефон – на счету было совсем немного, да и в телефонной книге значилось мало абонентов.

«Быть может, им все это не нужно? Но телефон, хоть и простенький, но новый, да и сумочка неплоха». В косметичку Корнелий решил не заглядывать – а что там интересного? В телефоне он нашел несколько фотографий. На одной из

них он узнал девушку, виденную им на остановке.

В это время прозвенел звонок у входной двери.

Дарья закурила тонкую папироску и небрежно подвинув к себе пачку денег, стала их пересчитывать.

– Еще один такой ход, и мы расплатимся с долгами, – сказала она, закончив процесс, поглядывая на лежавшего на диванчике Корнелия. Ее волосы завитушками спадали на плечи, голубые глаза лукаво поблескивали. Она тут же затушила папироску в пепельнице, потому что курила теперь редко постепенно отвыкая, зная, что это не нравится Корнелию. Ее полноватые губы были цвета вишни, под блузкой четко вырисовывалась соблазнительная грудь.

– Какой следующий ход? Фокус с куклой? – спросила она.

Корнелий недовольно поморщился.

– Не забывай, что за нее мы должны отвалить немало денег, – сказал он.

Она почувствовала его настроение, приникла к нему всем телом, гладила его по волосам.

– Но у тебя ведь такие способности. Будет обидно, если мы их не пустим в ход.

– Да, но не за счет горя людей, – промолвил Корнелий.

– Почему горя? Мы ведь даем надежду. Успокаиваем. И это немало.

– А потом, когда она нас захочет разыскать?

Даша повернулась лицом кверху.

– Не захочет. Я разглядела эту дамочку. Самая обыкновенная клуша.

– Не говори о ней так... Как ты можешь... – возразил Корнелий.

– К тому же мы сразу уедем. На юг... И будем вольными птицами. Я наконец-то побываю у моря. До сих пор меня родители дальше речки никуда не возили. А потом все денег не было. А теперь – я поеду к морю. Вот оно величавое, огромное, вздыхает, как большой организм. Шуршит белый песок под волнами, плачут чайки, и я с томиком поэзии на белом песке. И ты рядом – мой любимый....

И Даша нежно поцеловала Корнелия, припав к нему всем телом.

А за окном порхали ласточки и сходились тучи, обещая новые дожди.

Незнакомка, потерявшая сумочку, целый день не выходила у Корнелия из головы.

Наконец он открыл телефонную книгу и набрал самый естественный номер, озаглавленный «мама». Ему казалось, что это та женщина, которая была на остановке с девушкой. Но телефон упорно не желал отвечать.

Он набрал первый попавшийся номер с именем «Григорий». Но и Григорий оказался вне досягаемости!

Корнелий стал набирать другие номера, но это ничего не дало. Не откликнулся ни единый человек, будто вокруг этого телефона образовалась мертвая зона.

Рассердившись, Корнелий хотел было брякнуть телефон с балкона об асфальт, как вдруг аппарат ожил сам, залившись нежной мелодией.

В трубке послышался пожилой голос.

– Елена, здравствуйте! Это Лев. Ну как ваши проблемы?

Корнелий, кашлянув, ответил:

– Извините, но это не Елена...

На том конце смешались:

– Простите, видимо не туда попал.

И неизвестный Лев тут же отключился.

– Подождите, – сказал было Корнелий, но на том конце царила тишина.

Он тут же набрал незнакомого Льва, но было занято. Видимо Лев кому-то звонил.

Подождав еще какое-то время, Корнелий снова позвонил Льву.

На этот раз тот отозвался жалобным голосом:

– А кто это? ... Я вас не знаю. Кто дал вам этот телефон?

Корнелий рассказал, как вчера вечером он нашел телефон вместе с сумочкой. Но Лев все еще не понимал.

– А кто вы Лене?

– Да никто. Просто прохожий. Вот нашел, решил вернуть...

– Да, ну и дела... Это телефон принадлежит одной моей бывшей студентке. Я учил ее литературе.

– Ее зовут Еленой?

– Да, Елена Хорватова. Хорошая девушка. В последнее время ей как-то не особенно везло в жизни. Она была в отчаянии, у нее были проблемы. Ну, в общем-то это не телефонный разговор, да и не только мои секреты. Но было бы неплохо, если бы вы вернули ей найденное. У нее и без того хватает проблем.

Корнелий хмыкнул.

– Вернуть – то я готов, но она похоже не очень-то интересуется пропажей. Может вы передадите ей?

Лев помолчал.

– Я мог бы, да адреса ее не знаю. В последнее время она на связь не выходит, не могу дозвониться.

Корнелий удивился:

– Неужели в деканате нет ее адреса?

Лев как бы спохватился:

– Да, конечно, можно узнать и этим путем. Но времени нет, чтобы завезти...

Корнелий сразу проявил инициативу.

– Давайте я завезу. Вы мне только адрес назовите.

Давно уже был закончен разговор, а он все стоял на балконе и смотрел на бушующие под синим ветром деревья. Он думал о жизни и о счастье.

Глава четвертая. С первого взгляда

Он шагал по городу, вдыхая пьянящие запахи весны. Гроза отступила, солнце блестело меж зеленых листьев и лепестков белого цвета. Звенели опадающие капли, блистая алмазным светом.

Перепрыгивая через темно-синие провалы луж в черном разбитом асфальте, через сломанные ветки деревьев, Корнелий остановился у стены пятиэтажки, разрисованной каким-то художником – доброхотом огненными фантастическими цветами. Он сверился с адресом и пошел по пешеходной дорожке, усыпанной сломанными бурей ветками, дальше, к спрятавшемуся за блочным домом и шумящими деревьями частному сектору. Здесь все было словно в миниатюре: маленькие заборчики, кустики, садики, лавочки под сенью деревьев, усыпанные яблоневым цветом, аккуратные огородики с цветами.

Еще издалека он увидел номер на зеленой калитке – привинченные цифры 39.

В этот момент из калитки выходила молодая женщина, прикрыв волосы легким платочком. Ветер колыхал ее платье, подчеркивая крутые дуги бедер, обдувая крепкие ноги.

Корнелий хотел спросить поточнее местонахождения дома, но тут застыл намертво – женщина, закрывавшая калитку на защелку, была ему отдаленно знакома. Скорее всего это и была та, которую он искал, и он больше почувствовал

это, чем узнал ее. Но потом мир стал разворачиваться, словно старинный свиток – так раскрывалась и она, и он узнавал ее черты, они совпадали уже с тем образом, что был нарисован в воображении.

Девушка только скользнула по нему взглядом, он сразу ощутил теплоту ее грустных карих глаз. Она тут же опустила взор, собираясь идти дальше, когда он, сделав шаг к ней, спросил:

– Здравствуйте... Простите, вы Элени Хорватова?

Девушка вздрогнула, окинула взглядом Корнелия, кивнула и произнесла грустно:

– Да, это я....

Корнелий, кашлянув в кулак, смущаясь, тут же заговорил:

– Вы забыли сумочку на остановке... Я принес вам и сумочку, и телефон в ней.

Он и сам не понимал, зачем он говорит так подробно.

Она подняла голову, сейчас ее волосы выбились из-под платочка, развеваясь под веткой яблоневого цвета. Она выглядела очень красиво на этом фоне.

– Вы нашли мою сумочку? А я на нее рукой махнула, думать о ней забыла, – произнесла она мягким грудным голосом, не сводя с него глаз.

Корнелий спросил удивленно:

– Но почему? Здесь же ... ценные вещи... Которые, возможно, важны для вас.

Она покачала головой.

– Я считала, что раз они попали в чужие руки, то не стоит и искать...

Корнелий вынул из пакета и протянул найденную пропажу.

– Вот она...

Элени взяла сумочку осторожно и немного рассеянно, будто бы видела ее впервые, открыла и тут же закрыла, смущенно подняв взор лучистых карих глаз на Корнелия.

– Здесь все вещи, все цело, – сказал он уверенно.

Она кивнула и задала самый естественный вопрос:

– А как вы меня нашли?

Он отвечал, не сводя с нее глаз:

– Через деканат. Там мне дали ваш адрес...

Элени, будто о чем-то догадавшись, кивнула. Потом внимательно посмотрела в его глаза:

– Но почему... Почему вы все это делаете для меня? Зачем искали?

Корнелий сам не ожидал от себя тех волшебных слов, которые произнес в следующую минуту:

– Потому что я люблю вас.

Элени вздрогнула, зашаталась, рот ее приоткрылся, как бы набирая воздуха, и Корнелию пришлось подхватить ее.

– Как? – только и спросила она, не высвобождаясь из его рук.

Они как замороженные стояли рядом. Ветер шумел яблоневыми цветущими ветками. Гудели пчелы, было тихо, не

проезжали даже машины, улица будто замерла, не появилось ни одного человека.

Он, глядя на нее, сказал:

– Я увидел вас на остановке. Тогда вы показались всего лишь в маленьком островке света, и я понял, что полюбил вас.

Девушка вдруг улыбнулась:

– Значит это была любовь с первого взгляда?

– Вероятно... И тогда я поклялся найти вас.

Она удивлено и радостно смотрела на него, в глазах у нее блистали веселые искорки:

– Но кто вы? Я же вас совсем не знаю...

Корнелий ответил серьезно:

– Я? Волшебник.

Она рассмеялась, видимо принимая это за шутку.

– Настоящий?

– Конечно.

Они медленно, будто повинуюсь какой-то силе, пошли по аллее, усыпанной сорванными ветками и цветами, в город.

Шли под руку и молчали. Она, улыбаясь, шла с сумочкой, а он, серьезный и сосредоточенный, словно министр – рядом.

– А как вас зовут, волшебник? – спросила она, улыбаясь.

– Корнелием.

– Во как... Какое имя... Прочное, корневое, – сказала она, лишь бы что-то сказать... – И кем вы работаете?

– Я? Волшебником.

– Вы серьезно?

– Вполне. Вот сейчас помогаю одной женщине найти ее сына.

Она улыбнулась:

– Вот как! Значит вы благородный волшебник!

Он в свою очередь спросил:

– Элени, а вы на каком курсе?

Спросил, хотя ответ давно уже знал.

Так и шли они, ошарашенные тем, что произошло с ними, и ветер шумел над их головами, и шумела, звенела, плескалась, радовалась весна, и что-то звонкое пели птицы, и ангелы глядели на них с небес.

Ноги сами принесли их в сквер у порта, на ту остановку, где была найдена сумочка. Там они сидели, изредка перебрасываясь словами, соединив руки. Для их чувств вседневный человеческий словарь ничего не придумал, не хватало словесных выражений – они больше общались взглядами и очень тонко чувствовали друг друга.

Они гуляли, пока фонари не зажгли свои зеленые огни, и на небе не замигали первые сиреневые звездочки, прячась стыдливо за одеяниями туч.

Он стоял у ее калитки и все никак не мог проститься с ней. Капельки теплого весеннего дождя блестели на ее лице, как слезы.

Знакомство с Элени и теплые чувства к ней поразили Корнелия. Он дотоле ничего подобного не испытывал, и Даша, пришедшая со своими дерзновенными планами, показалась какой-то пресной и чужой.

– Какой же ты сегодня скучный, – сказала Даша и ушла, хлопнув дверью, когда Корнелий, сославшись на головную боль, устроился на диванчике. Он думал об Элени, она казалась ему хрупкой, как птица, нежной, как цветок, тихой, словно полевой колокольчик, колеблемый ветром.

Он ждал новой встречи, и она наступала. Обычно он ожидал Элени у библиотеки, где она, по ее словам, глотала пыль, общаясь с «великими мира сего», и они, почти ничего не говоря, только о чем-то возвышенном, просто гуляли по городу, обходя самые интересные и любимые места.

Особенно Элени любила сиреневый сквер недалеко от крепости. Они фотографировались в нем, а потом просто пели, расхаживая по дорожкам, при этом мало что зная друг о друге – им это было ненужно, это было несущественно.

Но он как-то спросил ее об отношениях с матерью, почему они ссорились.

– Ах, ты про тот случай, – нахмурившись сказала Элени. – Стоит ли, ведь это все в прошлом. Да, у меня был трудный период, я даже хотела уйти из этого мира, но Господь уберет меня... Для тебя...

И она пожимала его руку, а он прижимал ее к себе, и так

стояли они долго.

От всей этой идиллии Корнелия отвлек звонок заказчицы.

– Все в порядке, – сказал Корнелий, внутренне дрожа от неприятных ощущений. – Процесс идет. Скоро вы получите куклу и будет результат.

И тут же набрал номер Нестора.

Тот долго не отвечал, но вечером все же выловить его удалось.

– Лицо готово, – сказал Нестор. – Почти вся голова. Осталось подобрать подходящее туловище... Подходящее туловище подобрать и ... дело в шляпе!

– Давай, поторопись, заказчица нервничает, – говорил Корнелий, сам переживая оттого, что будет после.

Нервно потирая руки, он вышел на балкон посмотреть на шумящую полудневную городскую весну.

Возле тополя, плещущего на ветру листвой, он заметил фигуру парня. На голову его был брошен башлык. Смутно почувствовав какую-то тревогу, Корнелий вошел в комнату, закрыв за собой балконную дверь.

Глава пятая. Свершение волшебства

Нестор Салогуб ехал на велосипеде против ветра. Под мышкой у него был объемистый пакет. В лицо летели брызги дождя, время от времени он вытирал их и спешил вперед.

Настроение Нестора было никудышным – его дорога и

любимая Лиза переселилась жить к Маслюку, человеку хитрому и циничному, но эффектно выглядевшему парню с бронзовой фигурой атлета. И теперь Нестор в очередной раз сетовал на судьбу.

Все эти свои проблемы он чистосердечно выложил Корнелию при встрече.

Они сидели, спрятавшись под красными круглыми зонтиками уличного кафе. Накрапывающий дождик прибил бело-серые тополиные гроздья к асфальту. Ветер нес влажные струи.

Корнелий старался утешить друга, сидел, прищелкивая языком:

– Вот ведь Лизка! Не ожидал я от нее... Да, ладно, помнишь в школе она кружила головы сразу двум.

Нестор поморщил губы, наклонил в отчаянии лысую голову, на которую попадали капельки дождя.

«А ведь он страшноват», – подумалось Корнелию. – «Настоящий Голем! Кукла из уличного балагана, из страшноватой пьески. Он сам становится похож на свои куклы, на тех персонажей, которых создает. Такова видно судьба каждого мастера – становится похожим на свое детище».

Но вслух он ничего не сказал, только поддержал своего друга, сказав добрые слова утешения, положив руку на плечо.

У Нестора были печальные блестящие глаза.

Он извинился, засобирався, ссылаясь на срочные дела, на

то, что дома остался один Жорфе, как бы не натворил делов! А еще в театр нужно заехать...

Звякнув велосипедом, он зажурчал по лужам и скрылся.

Оставшись один, Корнелий развернул пакет и вздрогнул. Кукольный мальчик выглядел совсем как живой. Нестор знал свое дело – лицо мальчика было страшно похожим на то, что на фотографиях. Корнелию стало жутко, и он завернул фигурку мальчика. Заныло сердце, когда подумал о его матери – каково – потерять такого славного сынишку.

Он долго думал, прежде чем набрать телефон Лидии, откладывая мобильник, затем снова вынимал. Смотрел на почти бесшумно проезжавшие машины, на накренившийся от бури, сильно пахнувший зеленью и цветом тополь.

«Вот и я, как этот тополь, все кланяюсь перед этой сумасшедшей жизнью. Занимаюсь надувательством, чтобы хоть что-то заработать, а где-то живет чудесная Элени, как принцесса из сказки, и как о ней не думать, как о ней не вспоминать, когда ее карие глаза стоят перед тобой, точно гордые драгоценные камни – агаты».

Звонок развеял его размышления.

Звонила женщина, у которой пропал сын. Голос Лидии был тревожным.

Корнелий тут же сказал серьезно:

– Не волнуйтесь. Сейчас лишнее беспокойство может только навредить. Могу сообщить, что ваши дела идут неплохо. Часть работы уже сделана – мы выходим на фи-

нишнюю прямую. Будьте нынешней ночью в Монастырском парке в два часа. Там есть глухая аллея, ведущая к старому кладбищу. Помните ее? Войдете на аллею – два раза повернитесь вокруг, расставив руки. Потом ступайте к каменной скамье под высокой сосной, которая последняя перед воротами. Деньги должны быть с вами в голубом конверте. Все...

– Но, господин Корнелий, я боюсь, – жалобным голосом произнесла женщина.

Корнелий повысил голос:

– Вы доверяете мне?

– Да! – ответила она жалобно.

– Помните – успех дела зависит от полного доверия. Не забудьте сегодня ночью в два часа. В ваших руках судьба сына. Жду!

И Корнелий отключился.

Сидел, отрешенно глядя на стакан с коктейлем.

«Правильно, так и нужно!» – подумал он. – «Больше металла в голосе и таинственности. Тогда сработает».

Он медленно подходил к дому, все еще вспоминая Элени, ее бережные и нежные движения рук, будто взмах лебединых крыльев, шоколадные глаза, грустную улыбку, искрящуюся временами счастьем. Какова будет их судьба?

У дома мальчишки гоняли на велосипедах и ему едва удалось увернуться от рубчатых шин.

На скамейке сидела Дарья, смотревшая с укоризной. На

коленях у нее стояла небольшая клетка со щеглом.

Корнелий выдавил из себя приветливую улыбку, а перед глазами призраком колыхался образ Элени... Дарья теперь казалась далекой, чужой...

– Я уже битый час дожидаюсь... – сказала Даша не вставая.

– Вел переговоры в интересах дела, – сказал Корнелий, подмигнув. – О, новый член твоего пернатого семейства!

Даша усмехнулась.

– Да, это щегол Чик. Только с птичьего рынка. Приобрела по случаю... Ну, что у тебя...получилось?

– Этой ночью...

– Да ты что... Молодец!

– Тише! – Он показал глазами на нависающие балконы.

Она понимающе спросила шепотом:

– А ментов с собою не приведет?

– Не думаю...

– А это что? – Даша указала на пакет.

– Кукла... Только не разворачивай здесь...

Они прошли в подъезд, и уже в квартире Дарья сообщила:

– Я билеты заказала... Деньги получаем и бежим отсюда подальше... И скоро мы в блаженных морских водах! И я вся буду, как наяда!

Она бросилась к нему на шею, и он обнял ее.

У Корнелия сжалось все внутри от неприятных ощущений.

Ночь опустилась на город черная, как смоль, лишь диск луны мелькал среди бешено носящихся вместе с ветром обрывков туч, то и дело цепляющихся за деревья. В центре небесного купола пульсировали редкие звезды, заволакиваемые облаками. Серыми немymi глыбами застыли дома, кое-где украшенные дрожащим светом редких ламп. Ромбовидные золотые фонари, мигая тревожно, покачивались под ветром.

Здесь пахло хвоей, смолой, шишками и сырой корой.

Корнелий вспомнил, как они в детстве кормили белок. Но водятся ли здесь белки? Они кормили их в городском парке.

Он пришел пораньше и стоял в кустах, наблюдая за аллеей.

Корнелий ждал женщину, свою заказчицу, но стрелки миновали два часа ночи, а никто по-прежнему не шел.

Корнелий уже было сунул руку в карман, где лежало теплое тело телефона, но тут раздались шаги.

Он насторожился.

Шаги, раздававшие в темноте, принадлежали явно не женщине... Кто это? Запоздалый прохожий? В два часа ночи? А быть может в этом парке есть сторож? Ах, зачем, зачем он устроил эту ночную мистификацию, зачем вызвал ее сюда в такое время? Решил поиграть в мага и таинственность? Не проще ли было где-то на бульваре вручить ей куклу и, забрав

деньги, быстро исчезнуть из ее жизни.

Шаги приближались. Шел человек, оглядываясь осторожно по сторонам, словно высматривая кого-то. Не его ли? Неужели она рассказала кому-то? Этого еще не хватало, начнутся разборки: кто, откуда, зачем, то да се... Ах, зачем он устроил эту игру в таинственность?

Человек шел, набросив на голову капюшон. На мгновение он остановился, осматриваясь. Его взгляд упал на мраморную скамью.

Корнелий стоял за густой елью, боясь пошевелиться, не дыша.

Бледный луч луны скользнул по капюшону... Под ним было темно, казалось нет лица...

Страх пронзил Корнелия. Ему почудилось, что он может в одночасье все потерять: жизнь, дом, любимую. Он сжал ветку, иглы впились в пальцы!

Да, конечно, фигура знакомая. За ним уже наблюдал человек в капюшоне. А еще один подозрительный тип приходил к Нестору. Тот его назвал, кажется, Дроздом... А что если заказчица пустила по его следу частного детектива?

Человек скользнул взглядом по ели, а потом, набросив плотнее капюшон, заспешил дальше. Широкими шагами он шел в сторону монастырского кладбища, где торчали каменные кресты и памятники с ангелами.

Он растворился в густых аллеях, а Корнелий пошел к скамье. И вдруг споткнулся. Мир пошатнулся перед ним, пере-

вернувшись... Сильный удар в голову, и он лишился чувств.

Очнулся он, почувствовав, что лежит на влажной траве. На голове был платок.

Над Корнелием склонилось лицо Лидии.

– Господи, да что же с вами? Я с трудом вас нашла, а вы лежите без движения... Что-то случилось?

Корнелий тут же собрался с мыслями.

– Так бывает. Сильное энергетическое напряжение. Я совершал обряд. В наших же интересах. Неудивительно, последствия его могут быть разные...

Он осторожно поднялся, отдав платок женщине, держась за голову, которая болела, словно от удара.

«Ничего себе! Я видимо упал, ударившись о камень или корень дерева. Или кто-то оглушил меня?»

Он отряхивался с самым серьезным видом.

Лидия извинялась.

– Простите за опоздание, но... Ночью очень трудно добраться до места. Обряд... Но... все ли у вас получилось?

– Надеюсь...

Корнелий велел Лидии сесть на скамью, и тут же пошел к кусту, где лежал сверток.

Спустя три минуты пришлось уже Корнелию приводить даму в чувство, ибо, увидев куклу, она повисла на его руках.

– Ничего, это бывает. Сильные эманации, бьют по чув-

ствам, – что-то лепетал Корнелий. – Возьмите эту куклу и держите ее у себя в доме. Положите ее в кровать, где спал сын. Окружите кровать его вещами. Через неделю будет результат.

– Это точно? Вы обещаете? А может он вернуться уже сегодня? – жалобным голосом спросила она.

– Все может быть. Сферы сдвинулись, притяжение сработало, он идет. Но максимум – дней десять... Не волнуйтесь. Деньги принесли?

Лидия, всхлипывая, отдала пакет.

– После его возвращения отдадите мне оставшуюся сумму. Как видите, я работаю честно...

Женщина зарыдала над куклой мальчика.

Поезд шатало во все стороны и в раскрытое окно врвался ветер, несущий запахи полевых трав. Здесь, в южных степях весна была щедрее и очаровательнее. Воздух был синим и теплым. Полевые цветы трепетали под ветром нежными белыми лепестками. Будто почувствовав тепло, прыгал в клетке щегол Чик, напевая песни, радуясь весне. Временами, когда поезд въезжал под одеяло облаков, в окошке темнело, тогда начинал постукивать теплый дождь, капли которого влетали в окно. Затем вдалеке показывалось чистое синее небо, украшенное длинными лазурными облаками, на-

чинало пахнуть свежими травами и цветами.

Дарья мирно дремала на полке. Корнелий смотрел в окно, равнодушно озирая пейзажи, а на душе его было беспокойно. Их быстрый отъезд был похож на бегство. Он не успел даже проститься с Элени, только отослал ей сообщение, что уезжает по срочным делам, обещает связаться при первой возможности. В ответ девушка очень сожалела о такой внезапной разлуке, ведь не было дня, когда бы они не встречались, или хотя бы не созванивались.

Они с Дарьей ехали в купе со всеми удобствами. Зашел проводник, принес чай и бутерброды, но есть не хотелось.

Корнелий разбудил Дашу. Та встала с помятым лицом, потирая глаза. Захватив полотенце, пошла умываться. Потом долго сидела, пила чай и смотрела в окно. Глядела измученным взглядом – дорога ее выматывала.

А Корнелий всё смотрел на телефон. Его следовало бы давно выключить и выбросить в окно, но он ждал ежедневного утреннего сообщения от Элени, ждал тайно и страстно, стараясь, чтобы не заметила Дарья.

Та хмуро пила чай. И вдруг телефон содрогнулся от беззвучного сигнала.

Наконец-то! С телефоном в кармане Корнелий шагнул в умывальник, с замиранием сердца посмотрел на экранчик.

Но – сообщение пришло не от Элени!

Это еще кто?

Корнелий всмотрелся в странные строчки:

ДОРОГОЙ КОРНЕЛИЙ ТУК! СПАСИБО ВАМ ОГРОМНОЕ! МОЙ МАЛЬЧИК СЕГОДНЯ УТРОМ НАШЕЛСЯ!!! КАКАЯ РАДОСТЬ, ВЫ НАСТОЯЩИЙ ВОЛШЕБНИК! ПРОШУ ВАС ПРИЙТИ ЗА ПРИЧИТАЮЩИМСЯ ВАМ ГОНОРАРОМ, КОГДА ВАМ БУДЕТ УДОБНО.

ЗВОНИТЕ.

С БОЛЬШОЙ БЛАГОДАРНОСТЬЮ,

Л.

Корнелий не поверил глазам! Пылкое послание Элени, пришедшее вслед, добавило ему радости.

Глава шестая. Загадочный постоялец

Элени вышла в садик с маленькой книгой в руке. Щебетали звонко птицы, как будто разгоняли своим пением тяжелые свинцовые тучи. Брызгало из-под ветвей и заливало маленький огородик яркое солнце. Воздух был свеж и чист.

Было тихо, лишь ветер шевелил треугольную изумрудную листву. Она потрогала цветы – вот ее любимые анютины глазки, крокусы, барвинок и гиацинт.

Элени наслаждалась цветами, а в мыслях была возле своего любимого. Где он сейчас? Сказал, что уезжает по делу, когда вернется – не знает. Он волшебник, а у волшебников свои тайные дела!

Элени улыбнулась. Волшебник – вот шутник! Кто же он? Артист? Вот ведь загадочная личность! И привлекателен...

Как она счастлива с ним, не хочется даже и думать о неизбежном. А ведь придется ему когда-то сказать правду, горькую правду, и он ее бросит. Непременно бросит – ведь он молод, вероятно хочет иметь семью и детей. Как не хочется думать о неприятном! Пусть будет хотя бы неделя, ну хотя бы еще месяц счастья! А потом – все что угодно – одиночество, или брак со старым холостяком, которому все равно...

Элени старалась не думать о плохом, отбросить неприятные мысли.

Она всегда была одинокой, потому что была подкидышем. На крыльце детского дома ее нашли малюткой, а при ней записка с загадочным именем Элени. Такое имя она и носила в детдоме, ведь его дала ей какая-то неизвестная, скрытая мраком таинственности мать. Для простоты ее всегда именовали Еленой, но это имя ей казалось слишком простым, затертым. Элени лучше! Удочерившая ее Валерия Петровна, которая дала ей свою фамилию Хорватова, всегда старалась называть ее Элени, или простой Элей.

Как она любит ее, привязалась к ней, как к родной!
Элени открыла книгу и прочитала несколько строк:

*Одни прославились своею родословной,
Другие – мастерством, иль сворою борзых,
Богаты третьи и горды тем, безусловно,
В нарядах щеголяя дорогих.
И каждый со своим предметом возделенья*

*Глядит высокомерно, превосходства не скрывая,
Но то, чем я владею – лучшее, без сомненья -
Не этой мерой я достаток измеряю.
Твоя любовь – вот лучшая награда!
Ни славы, ни богатства, ни коней,
Ни роста, не дородства мне не надо –
Любовь твоя и верность мне милей.
Но если вдруг умрёт любовь твоя,
Несчастнейшим из всех живущих стану я....**

(*Сонет 91 В. Шекспира, перевод Т. Соколовой).

Прикрыв книгу, она задумалась о том, как ценна и быстротечна человеческая жизнь и как хрупка, как нужно беречь каждое ее проявление.

«Лишь бы он был жив и здоров», – твердила она себе, как заклинание.

В задумчивости Элени покачалась на качелях. Затем заглянула в конец тома.

Она едва успела дочитать последнюю строку, как ей на книгу лег маленький букетик фиалок.

Она в удивлении подняла голову и увидела незнакомого человека, безусловно одетого, с добрым и умным выражением лица, тонким аристократическим ртом, седыми бровями и висками.

– Здравствуйте! Моя фамилия Орехов. Игорь Владими-

рович Орехов. Я прошу у вас прощения, что вторгся на вашу территорию без разрешения. Я видел вас за забором, но вы так увлеченно читали, что я не мог вас оторвать от столь увлекательного занятия возможной резкостью своего оклика. А фиалки купил по случаю, сегодня такой весенний день, и решил тут же подарить их вам.

Элени была слегка ошарашена визитом незнакомца, но ни гнева, ни страха она не испытывала. Наоборот – внешний вид человека внушал ей спокойствие и радость.

– Чем могу служить? – негромко спросила она в тон ему, приподнявшись. Мужчина был уже несомненно пожилым, но бритое его лицо казалось моложавым, фигура безупречной. Рядом с ним стоял чемодан. Опирался он на трость.

– Я пришел по объявлению. У вас сдается комната?

Элени кивнула:

– Да, мы давали объявление о сдаче. Комната на втором этаже дома, сразу под чердаком. Если вам подходит второй этаж – давайте посмотрим.

Мужчина улыбнулся:

– Подходит. Лишь бы не было крыс и тараканов. Их я уж очень не люблю. А так – я человек неприхотливый. Живу один, путешествую в свое удовольствие.

– Вас так привлек наш город?

– Да. У вас замечательная крепость и такие уютные улочки – старинные, красивые. И дома с черепичными крышами... Я путешествую с блокнотом, пером, фотоаппаратом.

Так что, будет что записать, посмотреть.

– А наш дом тоже под черепичной крышей!

Орехов улыбнулся:

– Именно это меня и привлекло.

Элени кивнула и попросила Орехова следовать за нею. На пороге стояла Валерия Петровна.

Орехов представился, и тут же его повели на второй этаж.

– Мы здесь конечно уберем, – сказала Валерия Петровна, – здесь немного пыльновато. Вот эта стенка теплая, если вдруг похолодает, разожжем печку и вам станет тепло.

Орехов был в восторге.

– Как это здорово – настоящая печь! Впрочем, сейчас тепло, и я не думаю, что это в ближайшее время мне понадобится. Позвольте...

Он показал на окно, и когда Валерия Петровна кивнула, распахнул его.

В чуть запыленную комнату ворвался воздух, наполненным ароматом цветов. Особенно сильно пахла сирень.

– Это все ваши вещи? – спросила Элени, пока Валерия Петровна побежала за тряпкой.

– Да, это мой дворец. Все мое ношу с собой, – улыбнулся Орехов, расставив руки.

– Ваш дворец? Как это понимать?

Орехов не спеша вынул из кармана очки и записную книжку, постоял, улыбаясь, и объяснил:

– А так, уважаемая...

– Элени...

– Элени? Редкое имя... Римское имя... Очень приятно. Так вот, мой дворец – это моя крепость, моя защита, за уютными стенами которого я нахожусь почти всегда, особенно, когда мне трудно. Дело вот в чем... Давайте присядем... Не против?

Элени растерялась...

– Ах да, простите, я виновата... Вы ведь, наверное, устали... Сейчас...

Она смахнула пыль со стула...

– О, не беспокойтесь... Так вот... Детство у меня было прекрасным, можно сказать розовым, несмотря на то, что оно пришлось на тяжелое время. Тем не менее мир казался мне полным чудес и загадок, взрослые – красивыми, умными и логичными. Но, по мере взросления, я все более убеждался, что это не так. Мир открывался с неприятных сторон, иногда казался исполненным хаоса, бездумной жестокости и глупости, люди – пошлыми, необязательными, тщеславными и недалекими... И я стал прятаться. Стал прятаться в свой дворец. Он – это мои книги, мои вещи, мои любимые занятия. Он – уголки мира – красивые и стильные, которые я посещаю. Вот послушайте.

И он, открыв блокнот, зачитал:

*Жизнь мне кажется рекою,
У меня есть свой дворец.*

*Мой корабль всегда со мною,
Он отчалил наконец.*

*Я плыву весенним утром
Запеваёт песнь скворец,
И сверкает перламутром
Ослепительный дворец.*

*Из окна видны равнины
Зелень леса, жёлтый луг,
Кистью создаёт картины
Мой дворец – надёжный друг!*

*Стены призрачно сияют,
Белоснежной красоты,
Скрипки во дворце играют,
Ждут поэзии листы.*

*И плыву я в том пространстве -
От ненастий защищён.
И не видно тех паяцев,
Что сражаются за трон!*

*От невежества и злости
Защищает мой дворец.
Лишь тому открыты двери.*

Кто творец, пророк, мудрец.

Убыстряется течение,

Все сильнее бежит река.

Я спасусь от злоключений,

Хоть дорога далека...

– Прекрасно, – похвалила Элени. – Стихотворение хорошее. Но стоит ли прятаться от мира, от его невзгод?

– О, они всегда догонят меня. Но... приходится... Во дворце приятнее. Его всегда носишь с собою. В сердце. В душе. С ним можно делать добрые дела.

Они спасают от неизбежных мерзостей мира, если так можно выразиться.

Элени улыбнулась:

– Интересная позиция. Вы прячетесь, словно улитка в свой домик. Но вы говорите о добре – это уже хорошо!

– Каждому свое, милая сударыня. – промолвил Игорь Владимирович, приподнявшись, чуть поклонившись, он открыл чемодан.

В объемистом чемодане на колесиках личные и самые необходимые вещи занимали лишь небольшую его часть, остальное – тетради, книги.

Смутившись, Элени вышла, сославшись на то, что поможет матери принести белье.

Так в их доме появился новый жилец.

Все сомнения насчет него развеялись – таинственный жилец заплатил за месяц вперед, был галантен, вежлив, вовсе не надоедлив.

С утра он любил гулять, так как вставал очень рано, вместе с птицами. Он их любил, и они отвечали ему тем же, садясь на его руки, беря корм.

Опираясь на трость, в красивом костюме он совершал путешествие по городу, лазил на башни крепости, посещал библиотеки, бродил по паркам, скверам, улицам, подолгу сиживал у фонтанов и цветочных клумб.

Иногда его можно было увидеть во дворе – он выносил стул, садился, и держа на коленях блокнот, что-то писал.

Как-то Элени спросила, что он пишет, от ответил – сказки. Он – сказочник, его книги выходят и издательства ждут от него новых произведений.

Глава седьмая. Радости и страдания

Корнелий радовался неожиданному успеху. Лидия передала ему необходимую сумму, счастье была на ее лице, она не могла насмотреться на своего мальчика.

Тот рассказывал что-то непонятное и маловразумительное. Он сел в уличную повозку к каким-то черноволосым бродягам, похоже – цыганам, ездившим по городам и весям, гадающим и демонстрирующим фокусы. Сначала было интересно, они научили его многому, в частности, фокусам с

картами.

Но потом, когда они приехали в какой-то загородный облупившийся, с потрескавшимися стенами дом, и там осели, его заставляли работать на огороде, чтобы он недаром ел свой хлеб, а потом стали склонять к воровству.

Поэтому, воспользовавшись случаем, когда в доме все уснули, он бежал.

Корнелий хмуро кивал, заявляя:

– Видите, моя магия возымела действие. Как только сделали похожую куклу, она стала притягивать мальчика, и нашему Бобу захотелось домой. А ведь могли и в рабство продать!

– Какой ужас! – воскликнула Лидия.

С трудом расставшись с многоговорящей особой, Корнелий поспешил к Элени.

В тот день еще с утра небо было затянуто облаками, и теплый дождик орошал землю.

Элени стояла на пороге и глядела на хмурое небо, переживая, что непогода может помешать намеченной прогулке. Однако Орехов, сидевший в маленькой беседке, похоже был рад дождю, весело что-то помечал в блокноте и подставлял ладони под оловянные капли.

«Видимо сочиняет какую-то очередную сказку», – почему-то подумала Элени, поздоровавшись с писателем. Орехов

приложил палец к губам и шепотом попросил Элени прислушаться, как тихо стучит капель по двускатной черепичной крыше, как разливается мелодия струй в водосточных трубах, как шуршит дождик в посеревших цветочных кустах.

Его оптимистический настрой передался девушке. Элени уже подумывала о прогулке под зонтиками, как вдруг дождик ослабел, стих, уступив мир оживляющему яркому солнцу.

Мириады капель, как драгоценные камни, дрожали на листьях. Пахло анютиными глазками, ландышами и сиренью.

...Элени сегодня была просто магически волшебной. В белом платье, она казалась цветком, а алые розы, подаренные Корнелием, очень шли ей.

Они быстро зашагали по просохшим дорожкам к реке.

Они любили ходить на ту самую скамейку у порта, где Элени оставила сумочку, и Корнелий впервые увидел девушку.

Но сейчас на скамейке сидели люди, и они пошли дальше, к реке, раскинувшейся бирюзовой лентой.

Над речной гладью висели белые башни облаков. Камни – голыши на берегу оказались совсем сухими, легко ложились в руку, и их можно было метать далеко в воду.

Элени тихо и безмолвно сидела на коленях своего возлюбленного и смотрела на плавное течение густо-синей воды. Им было приятно вдвоем. Они словно насыщались друг другом, изредка перекидываясь отдельными фразами.

Потом решили взять лодку напрокат. Хмурый усатый лодочник недовольно принял деньги и зазвенел цепью, отщелкивая замок.

Корнелий был на веслах, а Элени опустила руку в васильковую воду и потом стряхнула с нее капли. Они изумрудным дождем упали с ее руки.

Они плыли к небольшому острову, скрытому темно-зелеными зарослями. От прибрежных кустов пахло снегом и тиной. В воде плавали тяжелые черные листья.

Элени захватила с собою томик сонетов Шекспира и читала Корнелию:

*Когда бы мыслью стала эта плоть, -
О, как легко, наперекор судьбе,
Я мог бы расстоянья побороть
И в тот же миг перенестись к тебе.*

*Будь я в любой из отдаленных стран,
Я миновал бы тридевять земель.
Пересекают мысли океан
С той быстротой, с какой наметят цель.*

*Пускай моя душа – огонь и дух,
Но за мечтой, родившейся в мозгу,
Я, созданный из элементов двух -
Земли с водой, – угнаться не могу.*

*Земля, – к земле навеки я прирос,
Вода, – я лью потоки горьких слез**.

*(*В.Шекспир. Сонет 44. Перевод С. Маршака)*

Корнелий слушал внимательно и ему казалось, что он живет в чужой сказочной книге жизни – настолько нереальной и волшебной казалась ему эта девушка!

«А я выдавал себя за волшебника. Вот настоящее воплощенное волшебство –Элени...», – с волнением думал он.

Девушка поведала своему возлюбленному о том, что в их доме поселился Орехов.

– О, ты не поверишь! Загадочный человек! Сказочник! ... Он что-то пишет. Иногда куда-то таинственно исчезает, затем появляется. Вот, например, вчера, во время ночного дождя... Я проснулась, чтобы погасить забытую лампу на столе. Я ведь так и заснула при свете с книгой в руке. Выглянула в окно, чтобы полюбоваться на дождь. И вдруг заметила слабенький лучик фонарика, пронизывающий дождевые полосы. Лучик скользнул, пробежал светлячком по влажным кустам. А потом на дорожке показалась мокрая длинная фигура в плаще. Постояла и пошлепала по мокрой траве в глубину сада. А там у нас есть еще одна калитка. Там можно перейти на соседний участок, а потом на маленькую улочку. Вот там тень и пропала...

Корнелий усмехнулся:

– А почему ты уверена, что это был именно ваш постоялец?

Элени глубоко вздохнула влажный речной воздух и сказала:

– Во-первых, он был с тростью... Во-вторых, я лично в разведку ходила...

Корнелий мягко поцеловал ее носик.

– Ах, ты мой сыщик! Ты что же пошла в ночь и дождь следить за этим стариком?

– Нет, что ты... Я потихоньку наведальась в его комнату. Сначала из своего окна пыталась заглянуть в его окно. Оно под чердаком, на втором этаже. Окно было темным. А потом пошла наверх и аккуратно так постучала в его комнату. Тишина. Потянула ручку. Было не заперто. В комнате пусто, только стучали его часы. А дальше – немного смешное и странное.... На столе была его записка:

«Элени, если ты придешь, то знай, что со мной все в порядке. Я уйду по делам. Если вдруг не вернусь к обеду – нарисуй на бумаге птицу, а сам лист потом сожги».

Слушай, я немного перетрусилась, но потом подумала, а чего тут переживать и удивляться, он же сказочник, у него свои причуды!

– Ну и дела! Может быть для написания новой, очередной

сказки ему нужно побродить ненастной ночью, так сказать, для впечатлений? Со сказочниками такое может быть! Я тебе как волшебник говорю.

И Корнелий улыбнулся.

Элени отложила книгу и поцеловала в его уста, припав к груди.

– Ах, ты мой милый волшебник! Слушай, а ты ведь действительно волшебник?

Корнелий опять улыбнулся:

– Мне нравятся слова Шварца *«Я не волшебник, я только учусь»* ...

Элени тоже улыбнулась в ответ и спросила лукаво, наклонив голову набок:

– Но в чем состоит твоя главная функция, дорогой мой волшебник?

Корнелий немного взволновался:

– Главная функция? Ну в чем... По мере своих сил, я стараюсь помогать людям.

Элени всплеснула в ладоши:

– Вот как интересно! Слушай, а ты помог той женщине найти ее сына? Помнишь, ты говорил в наш первый день.

Корнелий на мгновение замешкался – говорить или не говорить? Но Элени была так мила, чиста и непосредственна, и он решился:

– Да. Это у меня получилось... Мальчишка нашелся... И знаешь, что самое удивительное... Он пристал к каким-то

бродягам-фокусникам – то ли цыганам, то ли грекам, а они потом его на себя работать заставляли...

– Ну и?

– Ну, вот... я поворожил... и мальчишка вернулся домой, сбежал от них...

– Здорово! А сейчас? Ты помогаешь кому-то?

Корнелий задумался. В последнее время он только и думал о своем друге, о его судьбе. Нестор в трудное время поддержал его. Теперь он должен помочь Нестору обрести почву под ногами... Ведь Нестор может вернуться к бутылке...

Подумав, Корнелий серьезно сказал:

– Сейчас помогаю одному другу. Его зовут Нестор. Он кукольник. Хочу, чтобы он обрел любовь...

– Кукольник это...?

– Мастер изготовления кукол. Делает их для театра. А любимая девушка, которая шила платья для кукол, бросила его, ушла к бизнесмену. Вот я думаю теперь как Нестору помочь...

Лодка затанцевала на воде цвета серебра с чернью. Эле-ни провела по воде рукой. Прохладная вода казалось пахла талым снегом и водорослями. Шумел тростник под ветром, заходила новая гроза, на которые была так богата эта сумасшедшая весна.

С берега в маленький театральный бинокль за ними на-

блюдала Дарья. Она сегодня получила странное смс-сообщение: *«У Корнелия на остановке «Порт» намечается свидание с другой девушкой»*. Было указано время. Подписи не было.

«Как это мерзко», – подумала Дарья. – «Кто-то хочет нас посорить. Что-то не верится!».

Но когда она все увидела своими глазами, то поняла, что писали правду!

Будучи женщиной гордой, она тут же послала своему бывшему возлюбленному сообщение о разрыве.

«Ты бывший, ну и что? Чужим уже не будешь... Желаю счастья с той, которую полюбишь. Ты меня обманывал... Ты про меня забывал... Прошу тебя, не делай мне еще больнее... Просто отпусти...»

Она сердито зашагала в город.

Гроза ее нагнала, и, глядя на расколовшееся небо, Дарья радовалась тем трудностям, которые возникнут у Корнелия и у его новой пассии.

«Пусть теперь покрутятся. Гроза на реке – это не шутка», – думала она, ловя себя на мысли, что злорадствует, но злорадствовать – то нельзя, грех это, и она старалась подавить в себе это чувство.

Но боль в ней вырывалась наружу, поднималась до самого горла, вскоре заполнила всю, а потом ее слезы смешались с дождинками. Она остановилась под водопадом дождя, стояла, отставив в сторону сумочку, и просто ревела, а дождь по-

ливал ее с новой силой, словно смывая все старое, накопившееся за много лет.

Она сняла туфли и мокрая, жалкая, побежала по асфальту босиком, пока кто-то не подставил ей зонт, укрыв им от дождя.

Это был уже пожилой мужчина с тростью. Она сказала ему со слезами на глазах, плачущим голосом:

– Вызовите мне такси.

– Я вызову, но вы совсем промокли. Можете простудиться. Давайте я помогу вам добраться домой.

Она говорила сквозь шум дождя немного повышая голос.

– Не хочу домой. Увезите куда-нибудь меня, я прошу вас!

У меня есть деньги!

Мужчина удивился:

– Хорошо, хорошо...

Он уже махал рукой подъезжавшему автомобилю. Потом они пробирались в потоках воды. «Дворники» не справлялись с заливавшими стекла серыми струями. Потемнело, и за полмили ничего не было видно.

Гроза быстро истратила свой ресурс. Было сумрачно, тихо и сыро, когда они пробирались по скользкой грунтовой земле, через чьи-то сады и огороды, через заднюю калитку в чей-то заросший дворик.

Мужчина тянул ее за собой за руку, и Дарья плелась послушно, как раба, махнув рукой на все приличия.

Они прошли, переступая через извивающихся дождевых

червей, мимо остро пахнущих цветов в дом, поднялись на второй этаж.

Пожилой человек завел ее в полутемную комнату, и сказал:

– Вы вся дрожите. Вот, выпейте коньяку – он вас согреет и взбодрит.

Даша не нашла что сказать, просто кивнула, и залпом выпила коньяку, изрядно скривившись. Незнакомец тут же дал ей закусить.

– Сейчас же снимите одежду и оденьте вот это... Да, да, в мокром нельзя, вы простудитесь совсем. Наденете мою рубашку, она конечно будет вам длинна, но другого ничего нет, так что, как раз будет нормально... Я пойду распоряджусь насчет ванны.

Он вышел, и Даша слышала его голос издали:

– Ко мне приехала... родственница, попала под дождь... Можно организовать ванну?

Какая-то женщина что-то ответила, скрипнула дверь, был слышен шум воды. Даше было совсем не страшно, даже легко.

Рубашка мужчины закрывала ее колени.

Когда незнакомец вошел, она промолвила:

– Послушайте, я у вас побуду немного, а потом уйду. Не хочу вас стеснять.

Он серьезно сказал:

– Вы меня вовсе не стесняете. Будьте как дома. Сейчас

будет готова ванна...

– Нет, но...

– Никаких «но»! Вы должны быть здоровой! Это главное!

И он слегка улыбнулся ей.

Незнакомец обладал благородной внешностью, в его глазах видна была доброта и искренность, и Даша успокоилась. Она прекрасно понимала, что этот мужчина не причинит ей вреда.

– Но мне неудобно принимать ванну у чужих людей.

– Все удобно, – возразил он, махнув рукой.

Он провел ее в сиреневую ванную комнатку, очень простую и узкую, как щель. Здесь висели халат и полотенце.

Дарья отогрелась в теплой мыльной воде. Даже слезы уже не думали убежать из ее страдающих глаз!

Ну что, ну оставил ее Корнелий! Нельзя ведь утверждать, что он очень уж нравился ей! Ну не без способностей. Но ведь есть и другие, не менее талантливые... В конце концов – деньгами он с нею поделился. А теперь можно будет уже покинуть мрачную квартиру отца и добраться до синего моря!

Вернувшись в комнату, она сказала незнакомцу:

– Спасибо вам. Сейчас приведу себя в порядок и буду как-то добираться.

– Как? В мокрой одежде?

– Да, у меня дома щегол некормленный.

– А что, некому о нем позаботиться? Дайте сюда телефон!

Вон, на столе... Какой номер?

Дарья подвинула к нему аппарат, чуть улыбаясь, с интересом ожидая, что из этого получится.

Из трубки послышался чей-то озабоченный голос. Были слышны плач ребенка и шум телевизора.

– Кто у телефона? Простите, любезная мадемуазель, как вас зовут?

Дарья улыбнулась.

– Это сестра...

– Алла? – продолжал говорить незнакомец. – Аллочка, золотце, там у вас в клетке щегол сидит... Будьте любезны, покормите его... Что? Где Даша? С нею все в порядке... Утром будет... Прошу вас, покормите...

Даша сидела на топчане и заливалась смехом.

– Ну вы даете... Кто вы такой?

– Я – сказочник...

В это время далеко хлопнула калитка и щелкнул запор. В дом вернулась Элени, тоже основательно подмокшая. Войдя в дом, она принялась восторженно рассказывать Валерии Петровне о своих приключениях на суше и на воде.

Глава восьмая. Нестор и Валентина

Гроза ушла, на черной ткани неба рассыпались стеклянные звезды. Ветер трепал их, казалось, что они позванивали в ответ, поблескивая огоньками.

Корнелий шел домой после прощания с Элени. Он шагал

быстро, и у него было светлое чувство внутри, как будто зажегся волшебный фонарик. Он чувствовал себя счастливым человеком.

Но потом мысли его приняли другое направление. Он подумал о том, что уже который день он знаком с Элени, но ничего не знает о ее жизни до их встречи. Что у нее произошло? Какая тяжесть у нее на душе? Он чувствовал, что девушка еще недавно страдала от чего-то, но ничего не говорит о причине своих мук.

Корнелий шел один по каменной мостовой, но вдруг явно слышал, как в серо-серебристой темноте ночи далеко за его спиной стучат чьи-то каблуки.

Он остановился под старой акацией, вдохнув ее запах, сделал вид, что ищет в карманах платок. Шаги за ним остановились. Вдалеке замерла черная фигура, серебряный свет падал на голову в башлыке. Постояв, фигура свернула направо, к блочным домам.

Фигура преследователя показалась смутно знакомой, но Корнелий почти успокоился. Все происшедшее с ним было для него настолько волнительным и важным, что ничего не могло это поколебать. Он шел и думал, как же будут теперь складываться его отношения с Дарьей. Ведь он искренне любит Элени и теперь придется сказать Даше всю правду.

Остановив такси, Корнелий поехал домой весь в раздумьях и сомнениях.

В ночной домашней тишине он, вспомнив о Несторе,

включил компьютер.

Долго искал в Интернете информацию о любовных приворотах, но все это было не то... Даже если наколдовать, чтобы Лизка вернулась... Долго ли будет действовать наваждение? Не будет ли так, что как только чары будут иссякать, Лиза станет чувствовать ненависть к Нестору... Нет, Лизу лучше оставить в покое. Вот если бы сделать так, чтобы Нестор встретил другую женщину!

...Следующим утром Корнелий начал размышлять о том, как сделать так, чтобы его друг встретил новую любовь. Все это не так просто!

Он взял блокнот и стал описывать, какую девушку нужно бы повстречать Нестору. Он ярко представлял ее – как на обложке журнала. В его представлениях возникла яркая эффектная брюнетка, с длинной красивой шеей и правильными чертами лица. Глаза – цвета моря... Волосы подобраны кверху... Постепенно перед ним рельефно вырисовывалась четкая картина, которая повисла в воздухе, слегка колебалась... Слышалась даже негромкая музыка, звон бокалов... Тут же Корнелий представил худое лицо Нестора... Но... за стеной завизжала дрель (соседи который день делали ремонт) и облачко видения исчезло...

Выругавшись и махнув на все рукой, Корнелий взялся за телефон и набрал Дарью... Но абонент оказался недоступен...

Нестор сидел и наблюдал, как Лиза бежит по комнате, собирая кукольные платья, которые она шила. Свои личные вещи она забрала позавчера, в свой первый после их разрыва визит.

Лиза стояла к нему спиной в юбке колоколом и светлой блузке, когда она наклонялась, он видел ямочки на ее стройных ногах, и печаль переполняла его тело и душу.

Уходят в прошлое их дивные вечера, когда они сидели в мастерской, смотрели каждую куклу, обсуждая во что и как она будет одета, листали старые книжки, чтобы посмотреть, как делали иллюстрации к сказкам знаменитые художники, а потом сами брались за карандаши... В это время полыхала печка, отблески огня танцевали на деревянных телах кукол, а за окном падал мохнатый снег. Они сидели и пели песни, и было так хорошо. Всё когда-то заканчивается!

Конечно, он, Нестор – лысый и страшный, кроме того, сам худой, словно кукла, а Арсений Маслюк – красавец, бизнесмен, у него собственный дом с садом, автомобиль. Да и Лиза полна замыслов начать свой модельный бизнес, он увлек ее этой идеей, вероятно обещал помочь.

Лиза собралась и стала у двери, глядя на Нестора, а тот сидел и не решался подойти, ведь все уже было кончено.

– Ну вот, я и собралась. Ну, что, как говорится, желаю тебе личного счастья. Пойми Нестор, на мне жизнь клином не сошлась, не оставайся одиноким, не грусти... Найди себе

кого-нибудь....

Он молчал, опустив взгляд в пол, а она сказала решительно и резко после паузы:

– Прости и прощай!

И закрыла за собой дверь.

Шуршание автомобильных колес – и она пропала! Дверь открылась – вошел Жорфе, который помогал относить Лизины вещи. Он на своем привычном языке жестов показал, что Лиза – «красивая плохая», а Нестор – «грустный хороший». Он стал утешать Нестора, а потом, чтобы сделать что-то полезное, стал прибираться.

Нестор с трудом встал. Сегодня работа никак не клеилась. Он открыл шкаф и достал бутылку. Но содержимого было всего лишь на доньшке.

Плюнув, он оделся, грустно посмотрел на спущенную шину велосипеда. Через пару минут он отчаянно шагал улице, не давая себе труда переступать через лужи и дождевые ручьи.

Было свежо и сыро... Ветерок продувал насквозь парусиновую куртку, но Нестор этого не замечал.

На улице Трех монахов он зашел в бар, не заметив того, что за ним не спеша шел прогулочным шагом молодой человек, худой и сутулый. На голову его был наброшен капюшон. В бар молодой человек не зашел, а пошел далее по дороге, как бы что-то решив для себя.

В зале разливалась музыка, и сидело несколько молодых

людей. Заказав бутылку бренди, Нестор сел за матовый столик в углу. Он медленно цедил напиток, и комната плавала перед его глазами. У стойки разговаривала с барменом роскошная брюнетка с малахитовыми глазами. Ее волосы были красиво собраны в пучок, открывая выразительное лицо. Она сунула сигарету в уголок напыленных губ. Бармен щелкнул зажигалкой, еще ярче осветив ее накрашенное лицо.

Она затаилась, выпустила дым, осмотрела зал, скользнув взглядом по Нестору. Взгляд ее побежал дальше, остановившись на медных блестящих инструментах – золото заплескало в ее глазах. Вероятно, в них отразился и усатый музыкант средних лет. Он подмигнул женщине, она улыбнулась ему. Он, оставив свою трубу на стуле, что-то шепнул гитаристу и скрылся с женщиной внутри бара.

Нестор почувствовал, что его привлекла эта красотка. Он стал с нетерпением ждать ее нового появления. Алкоголь подогревал его желание. Женщина не показывалась, исчезнув в коридорных поворотах заведения.

Нестор поднялся и пошел той же дорогой. Зашел в первую попавшуюся дверь, заметив знакомый белый костюм музыканта. Комната была ярко освещена, но брюнетки здесь не было.

Музыкант склонился над чем-то, что-то перебирая. Нестор из любопытства заглянул ему через плечо. На столике были разложены деньги, которые музыкант аккуратно

упаковывал в пачки. Нестор никогда не видел такой большой суммы денег – у себя в театрике за свои куклы, он получал не так уж много.

Скрипнула половица, и музыкант, вздрогнув, оглянулся.

Он всмотрелся в Нестора. Вид абсолютно лысого худого, как спичка, человека, с движениями автомата, вызвал у него дрожание рук.

– В-вы-ы кто такой? Что в-вам здесь надо? – спросил музыкант испуганным голосом.

Нестор и сам был изумлен, комната слегка вращалась в его глазах.

– Я к Валентине, – коротко и абсолютно наугад сказал он.

– Ее здесь нет. Она вышла, – быстро промолвил музыкант. – А зачем вам она?

– По делу, – неопределенно ответил Нестор, думая, угадал ли он с именем, ведь не одна же женщина работает здесь. – По делу я..Где она?

– Она? – спросил музыкант, усы его задрожали. – Только что вышла...

– Куда?

– Как обычно, через боковой ход. У нее сегодня всё...

Нестор решил идти напролом.

– Телефон ее дай, – нарочито грубо попросил он.

Музыкант, волнуясь, пожевал губами.

– Но она не очень одобряет.

Нестор небрежно ответил:

– Меня – одобрят...

Музыкант волнующимися руками вынул телефон и продиктовал номер, глядя желтым безумным глазом, как Нестор заносит его в телефонную книгу.

Нестор повернулся к выходу, как вдруг музыкант подскокил и схватил одной рукой Нестора за свитер.

Нестор изумленно рванулся – свитер треснул. Но музыкант тут протянул руки к горлу и завизжал:

– Ты... ты все видел!!!

– Ты чего? Чего ты?

Нестор перехватил его руки, отпихнул от себя что есть силы, и музыкант, не удержав равновесия, рухнул рядом с большим креслом, как куль с мукой.

Увидев поверженного противника, Нестор, неожиданно для себя, пнул его ногой и закричал:

– Попробуй теперь двинуться, мерзавец! Ничего я не видел, ясно?! Ясно?! Не видел ничего!

Музыкант застонал, как-то по – бабьи заплакал.

Нестор взял грудку денег, небрежно посмотрел и швырнул обратно.

– Что здесь происходит?

От резкого вопроса Нестор повернул голову.

У дверей появились два прекрасных зеленых глаза молодой женщины, которую Нестор так удачно назвал Валентиной.

Валентина подошла ближе, глядя в лицо Нестору, как буд-

то открывая его для себя впервые.

Потом она посмотрела на съежившегося музыканта и на деньги.

– Так вот оно что! Нашими деньгами свои долги покрываешь! А мою долю зажал!

– Нет, Валентайн, нет! – замычал музыкант.

– Дрянь!

Нестор спокойно смотрел в прекрасные глаза Валентины.

Он придвинул ближе чемодан.

– Вот они. Берите, пока не поздно. Берите...

Валентина не отрываясь, пристально смотрела в его глаза. Она словно чувствовала необычную ауру этого необыкновенного человека. Такого она в своей жизни еще не встречала.

Через десять минут они мчались на вызванном такси. Над городом висела синяя ласковая ночь.

– Я не хочу домой. Поедьте к вам, – сказала Валентина, положив руку на его ладонь.

– Но... У меня может быть не прибрано. Да и живу я скромно. Скромно живу... – взволнованным голосом сказал Нестор.

Валентина усмехнулась:

– О, не волнуйтесь, это не имеет ровно никакого значения.

До жилища Нестора нужно было еще идти пешком минут

десять. Ветер, гуляя по лазоревому ночному городу, вытряхнул изумруды серебряных звезд. Пахло влажной пылью и липами. В бирюзовых сумерках горели огни рекламы, редкие фонари. Тихо шептались деревья под струями ветра. Откуда-то доносилась веселая музыка.

Валентина шла и говорила почти бесконечно о своих проблемах и жизненных невзгодах. А Нестор шел и любовался ею, вслушиваясь в легкую хрипотцу ее голоса.

Наконец Валентина спросила:

– Так вы что – с Петра пришли должок получить?

Нестор усмехнулся:

– Да, что-то вроде этого...

Он сам удивлялся откуда-то появившейся храбрости и вольготности.

Валентина взглянула на него пристально, и серебряные звезды отражались в темном космосе ее глаз.

– Спасибо, вы меня выручили, а то я совсем на мели... А вы храбрый. Настоящий рыцарь!

И она провела ладонью по щеке Нестора.

Тот мягко взял ее руку, поцеловал ее, а потом притянул ее лицо и долго целовал в вишневые губы, погружаясь в них, как в бездну.

С трудом оторвавшись друг от друга, они пошли по переулку, по треснувшему асфальту, из-под которого торчала шелковистая трава.

Перед приземистым продолговатым домом висел един-

ственный фонарь, рассеивающий желтый свет. Нестор оглянулся, чтобы посмотреть на ее лицо. Оно было слегка удивленным.

Когда Нестор повел ее за собою в свое подвальное помещение с полутемными узкими окошками, ей показалось, что она спускается в бездну, в какие-то дантовы круги ада.

– Вы живете здесь, как отшельник? – спросила она. – Послушайте, а кто вы, таинственный незнакомец?

– Я кукольник. Точнее – кукольный мастер, – гордо заявил Нестор.

Валентина не без робости входила в темное полуподвальное жилище Нестора. Пахло здесь клеем, краской и деревом, старым тряпьем и мышами.

Из полумрака неяркий свет выкрадывал кукольные лица на полках и отдельные части – ноги, руки, головы.

– И как же вы здесь один живете? – спросила Валентина, и тут же вскрикнула, внезапно увидев Жорфе.

– Не беспокойтесь, это мой помощник. Шимпанзеноид, – полушутя промолвил Нестор. – Он нем, как рыба и выполняет все приказы... Помощник...

Жорфе стоял с лампадой в руке.

– Жорфе, ты что, экономишь? Не чуди, зажги нормальный свет, – распорядился Нестор. Вспыхнул красноватый свет, осветивший всю мастерскую.

Валентина долго ходила и рассматривала куклы, пока Нестор разжигал камин, а Жорфе подогревал пиццу и грел

глинтвейн.

– Боже мой... Какие они тут у вас все разные...

Нестор был в восхищении и тут же принялся рассказывать.

– Тут у меня разные модели. Есть куклы из дерева, есть тряпичные, есть также из полимерной глины, из капрона, из пластика, из винила! Разные модели!

– Даже так! – Валентина была в восхищении. – А вот эти пупсы – как живые! Производят впечатление!

Нестор предложил даме кресло, а сам сел на диван, переломившись, как циркуль, точно сам был куклой.

– Знаете, Валя, теперь многие люди коллекционируют кукол, я, конечно, выполняю и частные заказы. Кто собирает Барби или плюшевых медведей, а кто – именно этих кукол – реборн. Это сейчас модно. Лица у этих младенцев – как у настоящих, да и тела тоже. Более реалистичную игрушку во всем мире вы не найдете. Это самая реалистичная!

– Слушайте, а как они изготавливаются? Из силикона?

Тут уж Нестор сел на своего любимого конька. Он старался всеми силами произвести впечатление на женщину.

– Каждая кукла реборн уникальна! У нее даже дата рождения и паспорт есть. Уникальна каждая!

– Из чего все начинается?

– Ну, как, с чего? С заготовки – молда.

– Что это? – недоуменно спросила Валентина.

– Молдом называется набор из головы, рук и ног. А также

и тело, конечно, набитое наполнителями чтобы придать кукле нужный вес. Потом делаются прорези для носа и глаз, и начинается самая сложная работа – роспись красками. Настоящий мастер, как правило, наносит неповторимый рисунок кожи живого ребенка: вены, капилляры, мраморность, пятнышки и так далее. Потом, зачастую, заготовку покрывают лаком... Он придает коже эту... ну, некоторую шершавость и добавляет реалистичности...

– Здорово, – протянула Валентина. – А волосы?

– О, это трудная работа! «Вживление» мохеровых волос очень кропотливая работа: каждый волосок по одному приклеивают к кукольной голове. Под конец еще и стеклянные глаза вставляют, набивают тело синте-пухом с пластиковым или стеклянным утяжелителем. Так получается кукла. Очень трудная работа!

Валентина долго осматривала куклу.

– И получается человек. Даже страшно... Вы как бог, как демиург, создаете образы людей...

Нестор усмехнулся.

– Есть такой грех.

Делая странные ужимки, в комнату вошел Жорфе (Валентина вздрогнула), везя на специальной тележке поднос с глинтвейном и бокалами.

– Угощайтесь, – пригласил Нестор, немного переживая за свое состояние после сегодняшних обильных возлияний. – Горячий пряный глинтвейн на основе бордо – идеальный ве-

черный напиток, тем более в прохладную погоду. Идеальный!

– У, как пахнет!

– Жорфе, что ты сюда сыпанул, признавайся? Ах, негодяй, что означают твои ужимки?

– Ну? И что? – усмехнулась Валентина.

– Да он знает, что... Память у него отличная, ведь у кого учился... А добавил он уникальную смесь из палочек корицы, коробочек кардамона, гвоздики, бадьяна, душистого перца, апельсиновых корок и немного меду. Чудо! Пробуйте! Уникальная смесь!

В дальнейшем вечер стал волшебным, уютным. За окном плакал ветер, где-то далеко прогрехотал последний трамвай, и проревела в порту сирена. Мимо окна шлепали шаги запоздалых прохожих. В оконном стекле виднелись отблески багрового огня камина и далеких голубых зарниц.

Они договорились перейти на «ты», и беседа лилась тихо, спокойно, будто лесной ручей. Она рассказала ему, как пошла работать певицей в ресторан, чтобы хоть что-то заработать, потому, что у нее есть сын, совсем еще мальчишка, который выбрал жить с ее бывшим мужем.

Нестор кивал и молчал, глядя в ее зеленоватые глаза. А потом встав, внезапно легко приподнял ее и посадил к себе на колени. Целовал долго и жадно, летела в прошлое Лиза, открывались ворота в новую жизнь – ослепительную, яркую, и, вероятно, опасную.

...Обнаженное тело Валентины было и твердым, как алмаз, и упругим как мяч, с кожей янтарного цвета. Нестор бережно обводил язычком острые пирамидки, погружался в целебные источники обильной зарослями рощи, гладил выпуклый, раздвоенный орех, и долгожданное забытье пришло к нему, как награда.

Глава девятая. Жизнь и судьба

Раннее утро полоскалось под небом, как светло-голубая простыня. Сизая река качалась, и плакали остроклювые чайки. Волны были похожи на ломаное стекло. Ветер рвал плащ с плеч Орехова. Слышен был запах рыбы и мокрых ветвей. Смелые рыбаки, не страшась волн и низового ветра, закидывали удочки, и у некоторых в руках вертелась скользкая синеватая рыба.

Орехов обернулся. Давно покинутый город ждал его. В голове плавной рекой лились воспоминания.

Он вынул из кармана часы и хлопнул крышкой.

«Еще есть немного времени. Девочка, наверное, ещё не проснулась. Слишком умаялась вчера. Представляю – такое испытать... Пройдусь – ка я на то самое священное место, где впервые ее встретил. Господи, когда же это было? Год семьдесят восьмой от Рождества Христова. Да – семьдесят восьмой, далекий год, и с тех пор, подобно стрелке часов, пролетели неумолимые годы, будто быстрые всадники.

И тогда, в тот год была тоже прохладная весна, с ароматными, очаровательными вечерами, пахнувшими сырой землей и сиреневым цветом. Я был тогда молод, горяч и грустен, страдал от одиночества и просил у судьбы сжалиться и прислать мне наконец Ее. Но всё это я просил раньше! А тогда мне было уже двадцать семь, и все чаще казалось, что любовь проходит мимо, что ей нет до меня никакого дела, раз я никого не любил, никакую родственную душу не встретил.

Помню в тот вечер я вышел из кино совершенно один. И был я студентом, но забросил и забыл своих товарищей, ведь был на последнем курсе, и все уже свершилось, все уже было – и лихие друзья, и неизменные попойки, и рестораны, и клуб, где мы спорили до хрипоты над просмотренным спектаклем или фильмом, и дискотеки, которые начали тогда зарождаться, и душевные компании. Да, все уже ушло из моей души, и стал я сторониться друзей, стал более задумчив, грезил о ней и не находил ее. Я вышел под клены, вечер опустился на землю – бережный, мягкий, а потом пошел ливень и все смешалось. Прикрывшись курткой, стоял я на пороге универмага и смотрел на водяные потоки, несущие яблоневый и вишневый цвет, на прохожих, бегущих под ливнем, на шарообразные зонты, на мокрые костюмы мужчин и приятно облегающие платья, и кофточки женщин, и мне было грустно от моего одиночества. Пробежал и ушел дождь, и зашлепал я по лужам, решив скорее добираться до своего жилища, ведь ноги мокрые от брызг, недолго и застудиться».

Орехов шёл широкими шагами, преодолевая боль в коленях, мимо шепчущих листвой деревьев. Он дошёл до сквера. Все здесь уже давно изменилось, но скамейки остались...

«Правда, это другие лавочки не те что были. И навесок кое-какой соорудили. Но всё равно, немного похоже... Здесь я и встретил их... Сидел, когда они подошли. Он был раздражен, размахивал руками, а она молча слушала, а потом села рядом как-то обреченно, а он все выговаривал ей, наверное, о каком-то проступке.

– Вот пойду и удавлюсь... С моста в реку брошусь! – гордо прервала она его гневливую речь.

– Ну и ступай. Подумаешь – луч в темном царстве! Анна Каренина!

Тут подъехал выдавший виды «лиазик». Мужчина, бросив ее, нырнул в автобусную глубину, так и не обернувшись, но потом его лицо показалось в заднем окне.

Пока я обернулся – ее уже не было на скамейке! Она уже шла вдаль по аллее, уходя из сквера. Шла как-то медленно, обреченно, потом зашагала быстрее. Мне бы догнать ее, но не решился, не отважился, смалодушничал, кажется подумал, что она сейчас сердитая, ей не до меня... А вдруг и вправду в реку бросится? Такая красивая девушка... Нежные локоны спадали на плечи....

Долго еще была видна ее фигура в свете фонарей, а потом пропала. И ощутил я такую тоску, что не передать, и, когда в полутьме подошел мой автобус, я шагнул к нему, как вдруг

кто-то сзади говорит:

– Молодой человек, вы забыли. . .

Оборачиваюсь, смотрю – стоит немолодая женщина в очках, скорее даже старушка – «божий одуванчик», протягивает мне сумочку и зонтик. Как я сейчас понимаю, это и была сама Судьба в виде этой женщины.

Поблагодарил я ее, взял эти вещи, но автобус – то не стал ждать, дверь захлопнулась, и он двинулся. А я остался стоять. Гляжу, а старушки-то нет, может пошла куда, а может как-то быстро и незаметно в автобус села?

Не стал я ждать – побежал по аллее, вдыхая запах молодых листьев, стал искать девушку. Ведь я был уверен, это были ее вещи, но девушку конечно не нашел.

Автобуса ждать не стал – так и побрел в общагу с этой сумочкой и зонтиком. Помню, даже насмешки товарищей вызвал – с дамской сумкой приперся!

Помню осмотрел я ее: губная помада, открытки киноактеров, духи «Дзинтарс», комсомольский билет на имя Хорошевой Елены Казимировны. Где же живет, работает, а быть может и учиться эта Елена, подумал тогда я, очарованный находкой, ведь она рождала столько тайных надежд в душе.

При детальном исследовании выяснилось, что скорее всего учится! В сумочке находился сборник документов для семинаров. Я полистал эту книжечку, содержащую выдержки изречений древних философов и вопросы к ним. Итак, Еле-

на училась на гуманитарном факультете, судя по штампу – в нашем университете!

Я помню тот яркий весенний день, когда я отпросился с работы и, волнуясь, поехал к университету, старинное здание которого казалось незыблемой глыбой. В университет, понятное дело, не пропустили, а Хорошевской попросили оставить записку. Я написал ей кратко о находке, оставил адрес своего общежития. Немного разочарованный я сходил по ступенькам между двух каменных львов, намертво застывших по бокам лестницы. Оставалось надеяться и ждать. Я бродил по городскому саду, был в кино, а уезжал из порта. Как вдруг, на столбе у остановки, где нашел сумочку, увидел объявление о пропаже, подпись «Елена» и указанный адрес, куда нужно занести находку. Ах, почему я не пришел сюда ранее?

Словно метеор ринулся я по адресу! Елена жила в одной из новеньких кирпичных пятиэтажек, в недавно созданном микрорайоне в отдаленной части города. Здесь были еще груды стройматериала, необорудованные детские площадки. Помню, что из чьего-то окна звучала песня Ободзинского, прямо-таки идеально ложившаяся на ситуацию:

*«Может ты звезда моя, может ты судьба моя
Может ты любовь моя, а может быть мираж?»*

Она была дома – смуглая, покоряющая своей южной кра-

сотой, соболиными бровями, глазами – цвета спелого каштана, а с нею был и он – длинноволосый, высокий красавец. Наверное, помирились – подумал я.

Я помню, что она тогда еще сказала:

«Вот ведь есть добрые люди на свете. Большое спасибо».

Все было в пределах вежливости, снисходительно тепло. Она сверкнула черными очами, была в роскошных расклешенных джинсах, а он, закурив, втянул меня в комнату, предложив выпить. О, как я мог отказаться?

Звали его Костей.

О, знал ли он, какого троянского коня он втягивает в квартиру, как он поневоле готовит себе соперника. Ибо я уже был влюблен в нее, и старался быть разговорчивым и смелым, чтобы завоевать расположение и доверие, а позже – и хорошим другом, вхожим в дом на все праздники.

Елена всегда привечала меня, а на Новый год даже поцеловала и приняла мои горячие стихи, а к восьмому марта цветы. Костя вовсе не возражал, даже подружился со мной, хотя никогда отдельно, как друзья, мы с ним не встречались.

Я все мечтал сделать ей признание, но был тогда робок, не очень высокого мнения о своей внешности и несмел, так все ходил к ней, да не решился сделать этого.

А на вечеринках, когда звучал громко проигрыватель с «Аббой», я сидел в уголке, ловил ее взгляд и улыбку и глядел, как она танцует, извиваясь всем гибким и длинным телом, легкая, будто инопланетная девушка откуда-то из Кас-

сиопеи, и большой радостью для меня было ее приглашение на танец. Тогда я вдыхал ее «Дзинтарс», обнимал ее инопланетное тело, и сам улетал куда-то к Кассиопее или Андромеде, мог даже прикоснуться губами к ее шее, и даже к ее алому рту, с нежным, легким пушком под губой – у нас были свободные нравы, и кое-что было гранью допущения.

Мы ходили на пляж, в жаркие желтые дни плавали компанией на стареньком прогулочном парходике, на острове ныряли с камней в скользкую глубину, и когда она выходила из воды в облепившем стройное тело купальнике – вся моя душа ликовала, а тело напрягалось, я чувствовал, что желаю ее остро и безнадежно, так как Костя всегда был рядом, и его «государево око» было недремлющим. Чтобы скрыть свое смущение я ликовал и смеялся, шутил и в тот же день получил приглашение на свадьбу.

Был золотой сентябрь, остро пахло краснобокими яблоками и свежесрезанными цветами. Я был в нарядном костюме, был в важной роли свидетеля и провожал в новую жизнь девушку, которую любил.

Я был остроумен в этот день, и, наверное, неумеренно пил, потому что, когда за полночь вернулся домой, то просто свалился и рыдал от горя.

Я долго смотрел на портрет Елены, на котором мы в обнимку были засняты Костей же во время волшебного южного счастья на Азове, вспоминал свой сегодняшний танец с невестой... Последний танец на свадьбе, когда она еще казалась

свободной, не скомканной Костиными руками, и потому блестящая жгучей, горячей красотой, и я представлял, как эта красота поблекнет в семейной жизни, как увядает сорванный цветок, как уйдет ее неумеренная веселость и погрустнеет она, как грустит природа осенью. И, используя свой последний шанс, а быть может, под воздействием головокружительных затей вина, я поцеловал ее в сладкие бархатные губы, и отвел к жениху.

Я так тогда размышлял, глядя на портрет, а потом тихо спрятал его.

Проснулся я в тот день поздно, с тяжелой головой, выпил вина, привел себя в порядок, оделся и пошел к ним на квартиру, где была назначена встреча родных и близких в тесном кругу за праздничным столом.

Я шел по городу, и ноги меня несли не туда, помню только, что я оказался в парке, долго думал, как ей признаться в любви, но так и не признался, не решился...

Годы летели, и она не увядала, и я продолжал ее любить на расстоянии. Я приходил к ним, у них с Костей, конечно, были разлады, но, в целом-то, все было хорошо, и они любили друг друга, и я пытался полюбить другую, но остался бобылем на всю жизнь.

Я оказался романтиком-однолюбом, жил один, потом начал писать сказки, посвящая их несуществующим дочерям и сыновьям.

... Его я различил за сотню голов, он стоял на песке, у са-

мой воды и плакал. Это был светловолосый мальчишка лет пяти, он потерялся, и я успокаивал его. Я ему говорил, что мы обязательно найдем его маму, и, помню, что мы обошли весь пляж, но так ее и не нашли, купили мороженое и пошли к корпусу, где жили отдыхающие, и, наконец-то, увидели маму, бегущую по аллейке. Звали ее Аглая, она была пышной блондинкой, доброй, хотя и несколько рассеянной, порывистой и необязательной.

Мы встречались ежедневно, но больше я подружился с Корнюшей (так звали мальчика), а Аглая была мне благодарна. Корнюшу я учил плавать, спускаться с горки и нырять с трамплина, строить крепости и замки из песка, мастерить парусные кораблики, водил его в тир и в кино. И добродушно-рассеянная мать никак не могла налюбоваться на нашу дружбу. Она очень радовалась моим приходам, и, в конце концов, я стал приходить и по вечерам, и при закатном солнце, читал Корнюше свои и чужие сказки и клятвенно обещал, что напишу сказку и для него. Аглая всячески склоняла меня оставаться на ночь, и когда поздно мальчишка засыпал, то жаркие поцелуи и жадное до ласк тело Аглаи было к моим услугам, и так продолжалось целый двадцать пять ночей, и я никак не решался признаться ей, что люблю другую женщину... А потом пришло время прощаться. Аглая плакала, просила не забывать, и я что-то обещал, потом вернулся домой, исхудавший и подтянутый, и часть обещаний выполнил. Написал сказку для Корнелия о счастливой любви,

о том, что он станет добрым волшебником, будет помогать людям, послал её ему в подарок ко дню рождения, переписывался с Аглаей, а потом как-то все заглохло. Жил тогда я далеко, да творческие и издательские дела затянули меня в свой водоворот.

И вот, на склоне лет – я здесь... Нет, довольно воспоминаний, надо идти, ведь Даша проснется, а она славная девочка, очень славная».

Орехов зашагал мимо шумящих деревьев, гаснущих витрин магазинов, мимо переполненных гремящих трамваев, туда, где его возможно ждали.

Он уже подходил к дому, окруженному садом и поприветствовал выходящую из калитки с корзинкой в руках Валерию Петровну, как в ту же минуту Дашу, почивавшую доселе на раскладушке, подбросило словно от удара током.

Она сидела, свесив ноги, изумлённо осматривая незнакомую комнату, протерла глаза, и обрывки воспоминаний вернулись к ней. Она вспомнила, что произошло, и заняло все ее существо, страдания переполнили чашу ее души.

Она встала, глядя в окно, стала медленно одеваться, как тут, тихо постучав, вошел Орехов.

Он улыбнулся ей ободряюще и протянул букет белой сирени.

– Вы уже проснулись? Как отдохнули? Вот это вам – срезал по пути несколько веточек.

– Спасибо, – произнесла Даша немного суховато, тут же

погрузив лицо в обволакивающий аромат цветов, и ей стало намного легче.

Он положил руку на ее плечо.

– Сейчас будем завтракать...

Даша замотала головой.

– Мне надо домой – меня хватятся – всю ночь скиталась неизвестно где.

Орехов посмотрел с улыбкой.

– Не хватятся. Во всяком случае, лишние полчаса ничего не решают. В умывальнике найдете мыло, полотенце. А я сейчас...

Через двадцать минут они завтракали яичницей и пили ароматный чай.

Даша молча и ободрено смотрела на Орехова.

– Игорь Владимирович, большое спасибо вам. Но, почему вы помогаете мне?

Он пожал плечами в светлой бумажной паре.

– Просто увидел хорошего страдающего человека. И захотелось помочь. Вас бросил любимый? Может быть и я здесь частично виноват...

Даша расширила глаза.

– А вы-то тут причем?

Он опустил взгляд в тарелку.

– Да может и не причем. Но, всякое бывает... Бывает люди, казалось бы незнакомые, сцеплены тонкими, невидимыми нитями судьбы. Бывает, что и мысль, и слово написанное

могут стать материальными... Но, впрочем, это все философия... Не это сейчас главное! Но вам я помогу. Запомните одно: «Все проходит. И это тоже пройдет». Это великая мудрость!

Даша хмыкнула и сказала:

– Слышала где-то. Небось какой-то философ изрек...

Орехов пояснил:

– Согласно библейской легенде, эти слова были начертаны на кольце царя Соломона.

– Я слышала что-то о его мудрости.

– Несмотря на мудрость, жизнь этого древнего царя не была спокойной. Был подвержен страстям, страдал от одиночества, непостоянства, необязательности, неразделенной любви. Вот ему один мудрец и подарил кольцо с утешительной надписью: «Все пройдет». С тех пор Соломон обрел спокойствие. Но настал момент, когда, взглянув, как обычно, на кольцо, он не успокоился, а наоборот – еще больше вышел из себя! Тогда он сорвал кольцо с пальца и хотел зашвырнуть его в реку, но вдруг заметил, что и на внутренней стороне кольца имеется еще какая-то надпись. Он пригляделся и прочел: «и это тоже пройдет...». Ему стало значительно легче на душе...

Даша вздохнула.

– Да, возможно это и так.

Орехов сказал:

– Дашенька, вам сейчас нужно развеяться и отдохнуть.

Царю Соломону подарили кольцо с надписью, а я вам сказку напишу. А пока – езжайте – ка на юг, к морю. Вы же мечтали туда поехать...

Даша удивилась.

– А вы откуда знаете?

Орехов рассмеялся:

– Да уж знаю. Поверьте, там вам станет легче. Вы обретете новую жизнь!

Когда Даша собралась, он напомнил ей:

– Букет не забудьте! И помните, о чем я говорил.

Даша кивнула, глядя на него глазами, полными веры.

Орехов улыбнулся:

– А на прощание – хотите стих о сирени?

Она кивнула и, как замороженная, присела на стульчик.

Он читал вдохновенно и негромко, не отрывая глаз от букета.

В раю кипенный свет сияет -

С сиренью я к тебе пришел!

И нежным духом освящая,

Светлейший ангел снизошел.

В белейший океан сирени

Ты прячешь смуглое лицо.

Играют скрипки и свирели,

И я дарю тебе кольцо.

*Цветы хранят твою улыбку,
Их запах в комнате разлит.
Достоин Гебы, стан твой гибкий,
Но к сердцу ключик твой сокрыт.*

*Вот на окне букетик снежный.
Захлопнув розовый футляр,
Блеснув своей улыбкой нежной,
Ты возвращаешь мне мой дар.*

*И проходя у твоих окон,
Я будто вижу твой портрет.
Сквозь марево оконных стекол
Под ним сирени той букет.*

*Года бегут, и я седею,
Но также от любви горю.
Как юный бог мечту лелею
И вновь сирень тебе дарю.*

Они вместе встречали утро после своей первой, очень нежной томной ночи.

Это было на даче друга в старинном, немного запущенном доме в два этажа с очень толстыми стенами и черным ками-

НОМ.

В окна лился розоватый утренний свет, после дождя пахло лилиями.

Временами порывы ветра били в оконные рамы, стучали ставнями, и земляничный аромат ее нагого тела смешивался с запахом цветов, влетающим в открытую форточку. Он нежно гладил ее дегтярные волосы, внимательно и ласково пробежал маленькими поцелуйчиками по великолепным черным ресницам, по крепкому, кофейно-молочного цвета, спелому телу, к роскошно раскинувшемуся широкому океану бедер, где в белой лунной воде плавал островок одинокой черной ладьи.

Лишь по тонкому и осторожному содроганию тела он определил ее слезы. Глаза были видны в утреннем полумраке блестящими алмазами.

Он спросил тогда, что с нею, она встала, набросив на себя легкое покрывало, подошла к окну и глядела на загорающийся день.

Он тогда подошел и, обняв ее за плечи, спросил о причине ее внезапных слез.

Слова о том, что у нее никогда не может быть детей, прозвучали прямо и хлестко, но он выдержал удар, еще крепче прижав ее к себе.

– Что ты, любимая, милая моя, не горюй, не плачь, я же с тобой, и всегда буду с тобой. И вместе мы найдем выход.

Она стояла, вздыхая, глядя на разгоравшееся утро, обна-

жавшее островерхий зеленый, колышущийся лес, и ей хотелось обнять и целовать всю вселенную и его, родного и любимого. Ей было легче на душе.

Глава десятая. Этюд с девушкой и художником на фоне моря

Пароход тяжело причалил к пристани поздним вечером, когда на угольном небе уже зажглись яркие звезды, отражающиеся синими фонариками в темно-зеленой воде.

Дашу окружал теплый, густо насыщенный звуками, южный мир. Мерно звучал прибой, вода музыкально плескалась о причал.

Пахло крабами и водорослями. В многолюдной толпе ловко шныряли носильщики, предлагая свои услуги. Одному из них Даша доверила чемодан, а сама несла клетку, в которой беспокойно прыгала птица.

В густой тени акации, расцвеченной гирляндой фонарей, она остановилась в ожидании автобуса. Море грохотало далеко у мола, скрипя гравием, месяц серповидной рыбкой отражался в темных волнах.

Освещенный автобус, похожий на стеклянный аквариум, вез Дашу по душным, сверкающим огнями улицам, на которых покачивались высокие деревья и густые кустарники. Из окна несло пряной духотой. Улицы и площади были заполнены праздными гуляющими людьми, мостовые были выло-

жены старинными каменными плитами. Лилась звонкая музыка, сияли разноцветные фонари. Все это создавало у Даши ощущение праздника, смешанное с некоторой робостью и нерешительностью.

Утро застало ее в уютном пансионате. В открытое окно доносились свежие запахи моря и цветов. Ярко голубело раскинувшееся дугой небо.

Даша чувствовала себя отдохнувшей, полной сил. Сдерживая внезапно нахлынувшую, подбирающуюся к горлу радость, она набросила халат и кофту и выглянула в окно. Далеко за пирамидальными тополями и ольхой величественно дышало море. Она вспомнила, как волны шуршали о гальку всю ночь.

Даша вышла прогуляться по тропинкам возле белоснежного корпуса. Легко шумели под ветром эвкалипты и пальмы, волнами качался цветущий желтыми и белыми цветами кустарник, радовали глаз ирисы, гортензии и розы.

Даша погуляла по тисовой аллее, испытывая ни с чем не сравнимое наслаждение, а потом поспешала покормить птицу.

После завтрака она зашагала к густо-синему морю. Кричали у прибоя чайки. Миновав серебристую рощу, Даша, наконец-то, вышла на пляж. Вода здесь оказалась ярко-голубого цвета. Неподалеку расположился художник. Это был молодой парень в панаме, с небритым, загорелым лицом. Он рисовал масляными красками, и, казалось, был полностью

погружен в свою работу. Когда Даша посмотрела на его картину, то увидела мрачное худое бородатое лицо человека в шляпе с печальными голубыми глазами на фоне моря.

– Интересно вы рисуете. А кто этот старик? – простодушно поинтересовалась Даша после приветственного кивка.

Тот кивнул в ответ и пояснил:

– Это Ван Гог. На фоне моря...

– Ван Гог? Голландский художник?

Парень кивнул, явно не желая отвлекаться, но посмотрел вслед Даше, когда та спускалась по камням к воде. Фигурка идущей девушки, колебание ее бедер привлекли его...

Даша ринулась в лазурные волны и ощутила себя наверху блаженства! Ей хотелось кричать от радости! Несколькими взмахами она преодолела расстояние, перевернулась на спину, ликуя от прилива чувств. Тело охватывала прохладная истома. Она нырнула в пузырьчатые зеленоватые глубины, в гулкий морской мир и проплыла под водой, а потом, вынырнув, не могла насытиться и внезапно засмеялась легким, искристым смехом.

Несколько дней пролетели как один миг, и все эти дни были наполнены необыкновенным ощущением радости и покоя.

Ежедневно Даша ходила на море и быстро загорела. И там, на море, она всегда видела бородатого художника, глядевшего на нее льдистыми глазами. Даша познакомилась и подружилась с Людой, приехавшей в пансионат со своим сыном –

молчаливым, полноватым увальнем, круглощеким Федькой. Вместе купались и загорали, вместе ходили в кино и на танцы, гуляли в зеленоватой полутьме парка, под липами.

Ночи стали душными, и жаркая синеватая тьма окутывала землю. Сон, зачастую, приходил лишь под утро.

Ездили на прогулки за город, к лиловатым скалам. Оливы и виноградники стали бледными, жухлыми, выжженными солнцем.

Как-то Люда повела Федьку в детский кукольный театр. Даша одна отправилась на прогулку и зашла на липовую аллею. Идя по дорожке, она сама не заметила, как вышла к древнему храму с пожелтевшими, обвитыми ползущими растениями, колоннами. Она пошла по гулкой холодной площадке, оглядывая колонны, распугивая птиц. Неподалеку бил источник – вода струилась из львиной головы в круглую каменную чашу. Даша хотела подойти и насладиться серебристо бьющей струйкой, но заметила недалеко мольберт и художника, склонившегося над ним. Он что-то осматривал, а затем, подойдя к источнику, склонившись, оголив по пояс тело, стал мыть руки. Его худощавое, но жилистое тело смутило Дашу. Она быстро и почти беззвучно прошла мимо, на мгновение лишь глянув на мольберт. На нем была девушка на фоне изумрудных волн, в цветастом легком платье. Волосы ее развевались, подставленные ветру, а шляпу она держала в руке.

Даша быстро прошла по аллее дальше. Только спустя вре-

мя она осознала, что девушка с портрета была похожа на нее.

Вечером, гуляя с Людой и Федькой, Даша видела, как художник шел в толпе беспечных загорелых отдыхающих. Их взгляды встретились, художник на минуту задержал взгляд, кивнул, но Даша, ответив на приветствие, тут же отвела взгляд. Чувство чего-то хорошего и теплого появилось в ее душе, и горящие фонари на аллее, и порхающие у них мотыльки, стали казаться ей чем-то приятным и радостным. На смолистом небе уже рассыпались сиреневые звезды, Люда что-то ей говорила о Федьке, который идет будущей осенью в школу, и ему нужен костюмчик, но Даша слушала вполуха. Ее мысли захватил этот человек с мольбертом – что-то было в нем привлекательное и загадочное. И в последующие дни Даша, выходя с Людой и Федькой на пляж, видела, как художник выходил далеко на косу и там, устроившись, орудовал кистью.

Когда Даша с Федькой проплывали на надувном матрасе, она мельком цепляла его заинтересованный взгляд.

Спустя два дня Люда с Федькой уехали. Перед отъездом Люда обещала звонить, дала свой адрес в Интернете.

Даша осталась одна, сидела грустно на скамейке со щеглом в клетке, читала электронную книгу с романом Симмонса и скучала, поглядывая на липовую аллею. Изредка там мелькал силуэт художника. Но на море его не было!

Следующим днем дождь умыл сад, а порывистый ветер играл с волнами. Тем не менее Даша пошла на пляж: во-

обще она очень любила кататься, нырять на пенистых гребнях волн. Беспокойно пахло водорослями. Она шла по серому влажному песку, переступая через гладкие камни, выброшенную на берег рыбу; иную, трепещущую, она подбирала и бросала в море...

Даша с удивлением заметила, что, несмотря на непогоду, художник появился на берегу. Он выпил чего-то на площадке бара, который нависал над серым пляжем. На площадке стояли столики под зонтиками. Ветер рвал крыши канареечных зонтиков, шатал пластмассовые столы и стулья, унес он и панаму художника. Художник догнал ее, подобрал и, вооружившись своим обычным инструментом, пошел на косу, о которую разбивались пенистые шаровидные валы. Видимо он решил рисовать шторм, несмотря на то, что ветер рвал из его рук бумагу...

Даша с удовольствием каталась на волнах, иногда поглядывая на одинокую фигуру на косе. Она приблизилась к бурунам, и вдруг высокий вал подхватил ее и ударил о берег. Сознание Даши помутилось, ее тело безвольно обвисло, его уносила волна.

Тут художник бесстрашно прыгнул в воду...

Очнулась Даша на песке, усыпанном галькой. Перед нею было серо-стальное небо и небритое лицо с тревожными глазами.

– Вам лучше? Как вы себя чувствуете? Может вызвать доктора? – настойчиво спрашивал художник.

Даша покачала головой, приподнимаясь, садясь на песок. Купальный костюм тесно охватывал ее тело. Голова кружилась, во рту было гадко.

Художника звали Игнатием.

Он помог ей добраться до пляжа, найти ее вещи и дойти до пансионата.

– Больше так далеко не заплывайте, – сказал Игнатий на пороге корпуса и улыбнулся. – В такую погоду опасно плавать!

– Я плаваю хорошо, это была просто случайность, – угрюмо сказала Даша, улыбнувшись уголками рта. – Вы виноваты, это я на вас засмотрелась...

И добавила:

– Огромное вам спасибо.

– За что? – смутился Игнатий.

– Ну как? Можно сказать, вы мне жизнь спасли.

Он, махнув рукой, повернулся, чтобы уходить, а потом, будто набравшись смелости, попросил:

– А можно к вам завтра зайти, Даша?

Она кивнула, окидывая взглядом его худошавую, но крепкую фигуру в парусиновой светлой куртке.

На следующий день у Даши начался жар, и врач велела ей лежать и принимать лекарства.

Днем ее навестил Игнатий. Он появился – высокий, смущенный слегка, с букетом ирисов и длинным пакетом, который тут же развернул. На листе бумаги стояла Даша на фоне

моря. С необыкновенным волнением она приняла рисунок в дар и улыбнулась. Угнетённое состояние последних дней и болезнь унеслись прочь.

Вечером она уже нашла в себе силы пройтись с Игнатием по тисовой аллее. Издалека нарядно светилось винно-красное море. Они шли, говорили о море, о картинах и о Ван-Гоге и не могли остановиться... Даше казалось, что она знает Игнатия всю жизнь!

Часть 2. Осень и снова весна

Глава одиннадцатая. Призраки осени

Златоглавая осень парадом прошла по скверам и бульварам города. Ее приход был ожидаемым, но свершился чудесно быстро – буквально в одну ночь.

Эту ночь Элени и Корнелий провели вдвоем. Ночь была, как хрустальный дворец – тонкой и хрупкой, нежной, словно бриллиант в ладони девушки.

Во сне они были одним существом, и лишь когда утром потушили фонарь, горевший мягким лунным светом, Элени поняла, что что-то произошло в мире, сдвинулось, изменилось... Она подошла к окну. И застыла – нагая девушка у окна, в которое бил желто-багряный свет.

Элени всегда казалось, что осенний день наступает после ночного посещения города сказочным волшебником. В ци-

линдре и во фраке он летит над городом, взмахивает чудесной палочкой, и окружающий мир приобретает совершенно новые теплые тона.

Элени и Корнелий в этот день намеренно решили прогуляться пешком, чтобы полюбоваться осенними улицами. Они шли, но говорили немного. Корнелий лишь время от времени кивал, в который раз радуясь собственному духовному преобразению, удивляясь тому, как раньше он не замечал всех тонкостей окружающего мира.

Чудесная кисть окрасила город в пеструю гамму, из которой преобладали багряно-коричневые и лимонно-желтые цвета. В сердце Элени возникло ощущение наступившего долгожданного чуда. Да, это начинался царственный выход королевы осени во всей красе, звучал вальс торжественного листопада.

Они завернули в блистающий золотом парк, любуясь преобразенным миром. Пунцово-алые, коричневые и зелёно-жёлтые листья плавно кружились в торжественной тишине, чуть зависая, мягко садясь на праздничный шафранный ковер.

И побродив среди деревьев в красивейших осенних уборах, пошуршав опавшей листвой, Элени, как будто, начала различать звуки тихой грустной осенней мелодии. Под нее парк засыпал, только иногда, под шаловливым ветерком начинала звенеть одной нотой тоненькая струнка паутинки, да грустно кричали улетающие вдаль птицы.

Им было приятно ощущать этот свежий ветерок, играющий осеннюю сонату на ветках и листьях деревьев, и чувствовать неповторимый йодистый и пряный аромат опавшей листвы, запах земли и горьковатого дыма костров.

Ветерок принес легкое дыхание влаги и подтянул по глубокому бело-синему небу косматые темные тучи.

По листве начали стучать робкие холодные капли. Капельки падали на ладонь Элени и становились похожими на жемчужины. И под терпкий вкус осеннего дождя, легкий запах опавшей листвы, дыма и тумана, Корнелий повел Элени в уютные стены кафетерия. За дымящейся чашкой ароматного напитка они любовались сонным дождиком, который мелко и глухо сыпался на ковер листвы из низких туч, оставляя свои серебряные слезы на стекле окна. Дождик стучал по крыше и пел в водосточной трубе. В теплых лужах вздрагивали отяжелевшие от дождя листья.

Корнелий вспоминал пролетевшие, словно ослепительный метеор, дни. Он был рад, что так удачно помог своему другу Нестору обрести любовь. Его магия помогла, и Корнелий уверился в своих необыкновенных способностях. Определенным достижением для него стал и так называемый «чудесный парфюм», который при разбрызгивании обволакивал молодую девушку невидимым слоем, оседавшим в виде мельчайших капелек, и на время закрывавший доступ к её прекрасной ауре, приглушавший исходящее от неё сияние и делавший его тусклым для чужого взора. Это была своеобраз-

разная защита от похотливых приставаний на улице. Такой парфюм заказал для своей красавицы – невесты один богатый жених, из числа современных бизнесменов. Выполнение этого заказа обеспечило Корнелия средствами на достаточно долгий срок. Конечно, он задавал себе сакраментальный вопрос: а имеет ли он право? Вторгаться в чужие жизни, судьбы, оказывать влияние, что-то менять. Успокаивало одно: он творил добро! Ничто не заставило бы его сделать что-то кому-то во зло... Теперь Корнелий часто напряженно думал о том, как помочь самой Элени стать матерью. И хотел посвятить этому всего себя, ибо ближе Элени у него никого не было!

А когда выглянуло из-за туч соломенно-багровое солнце, они пошли дальше, любуясь приглушенными красками и сверкающими на солнце каплями. Мягкие канареечные лучи солнца блестели янтарем в темных таинственных лужах.

В этот вечер они пошли на концерт «Осенние фантазии». Заполненный зал торжественно дышал. Блестала большая хрустальная люстра и инструменты оркестра. Во фраках музыканты напоминали птиц.

Играли классику – звучали Бах, Моцарт, Шопен, Чайковский, Рахманинов, Дебюсси. Живые звуки скрипки, виолончели, рояля, флейты и голос меццо-сопрано ложились на душу благодатным дождем умиротворения и счастья.

Корнелий держал в руке маленькие теплые пальчики Эле- ни и ощущал, как он становится другим человеком. Раньше ему бы и в голову не пришло пойти на концерт классической музыки – он ничего, кроме рока, не слушал! И только с Эле- ни он изменился...

После концерта все выходили торжественными, радост- ными.

Вечер очень удался! И только в антракте что-то смутило Корнелия... Ему показалось, что он увидел среди зрителей в фойе знакомое неприятное лицо. Это был худой парень с длинным носом, которого когда-то Нестор назвал Дроздом. Парень растворился в толпе нарядных зрителей, и Корнелий подумал, что ему просто показалось.

По номеркам он получил свою куртку и плащ Эле- ни, пока та отлучилась.

Ждать пришлось в кресле в фойе довольно долго. Нако- нец-то Эле- ни пришла, но не привычно милая, а какая-то на- хмуренная, будто чужая.

Корнелий спросил ее о настроении, она что-то буркнула об умывальнике, шла молчаливая и недовольная.

На осеннем небе горели холодные звезды, их время от времени скрывали бегущие рваные тучи.

Было еще достаточно тепло.

Удивляло то, что улица вмиг стала безлюдной! Зрители растворились в темных аллеях, и даже городского транспор- та не стали дожидаться. Видимо, часть уехала на собствен-

ном транспорте, часть отправилась пешком.

Элени вдруг сказала каким-то чужим голосом:

– Ну, что мы здесь торчать будем? Давай возьмем попутку.

– Что с тобой? – не узнавал ее Корнелий. – Тебе плохо?

– Нет... Просто настроение улетучилось...

Она казалась какой-то злой, раздражительной.

– Может тебе не понравился концерт?

– А что в нем хорошего? Сидят, пиликают...

Корнелий внимательно всмотрелся в девушку. Ее будто подменили!

Она сказала ему строго, нахмурив брови:

– Ну, что стоишь? Мужчина ты или нет? Добудь машину, ну... А то мы тут до глубокой ночи будем болтаться!

– Сейчас, – ответил разочарованный Корнелий.

Он вышел на трассу, но, как назло, ни одна машина не останавливалась. Тут сама Элени опередила его. Она начала «голосовать» длинному автомобилю, почти бесшумно вынырнувшему из-за поворота.

Машина была похожа на лимузин семидесятых годов.

Мягко открылись дверцы, и Элени, даже не спрашивая куда автомобиль едет, подтолкнула своего спутника в его темное нутро.

Корнелий не успел ничего сказать, как вдруг очутился в темном салоне на заднем сидении, а автомобиль бесшумно двинулся вперед.

– Погодите, а куда вы едите? – спросил он, но в ответ услы-

шал:

– Сиди спокойно.

Голос принадлежал не загадочному водителю, а человеку рядом. Это была вовсе не Элени! Та будто растворилась в пространстве, а рядом сидел худой остроносый парень, тот самый, кого Нестор называл Дятлом.

– А где же Элени? – воскликнул изумленный Корнелий.

– Сиди и не шевелись – прошипел злобно парень, и что-то острое воткнулось Корнелию в бок.

«Нож» – подумал он, и тут же тонкая липкая нить сковала его руки.

– В самом деле, Корнелий Александрович, будете вести разумно себя, тихо спокойно – получите и Элени, и вознаграждение, – раздался хрипловатый голос.

Из ночной густоты на Корнелия смотрело в зеркальце заднего вида жесткое лицо в квадратных очках.

Они долго мчались по почти пустынным дорогам в полном молчании. Говорить не хотелось, да и не находилось слов. Мимо пролетали серые холмы, освещенные лунным блеском и окутанные призрачным светом леса. Очевидно они давно миновали городские окраины. Тихо шуршали шины, да выли собаки.

Корнелий сидел ошарашенный, в голове бились, пульсируя, метались мысли, и ни одна из них не была выходом из положения. Произошедшее не складывалось в четкую логически стройную картинку. Оставалось обреченно ждать,

словно тельцу на заклании.

Когда из мрака луна вырисовала очертания склепов и кресты кладбища – свернули на проселочную дорогу, прямо в густой мрак, разрезая светом длинные коридоры, увенчанные склонившимися ветками с дрожащей треугольной желтоватой листвой.

У возникшей из мрака арки глаза Корнелию закрыла тесная повязка, будто черная птица крылом.

Когда от нее разрешили освободиться – он зажмурился от яркого света.

Он находился в большом доме и его решительно повели бесконечными зеркальными коридорами. Шли долго и оставалось удивлялся наличию такого громадного дома в окрестностях города.

В зале навстречу им вышел невысокий стройный мужчина весьма приятной наружности неопределенного возраста. Волосы его были подобны крылу ворона, зачесаны аккуратно назад, оставляя выразительным хорошей лепки лицо, подбородок чисто выбритого лица украшала неглубокая ямка. В темных глазах поблескивал розоватый огонек.

– Мне очень приятно приветствовать вас, мастер, в своем доме. Надеюсь с вами не обращались дурно? – сказал он звонким голосом.

Глаза встречавшего ввинтились кроваво-красными огоньками в глаза Корнелия, и он сам ответил:

– Да, знаю, обращались нетактично, простите. Прочел ва-

ши мысли. Я хочу начать со стихов, а потом перейдем к деловому предложению.

*Жизнь – прекрасная роза, которая,
Сияет пурпуром в ночной тишине.
Мы идем в темноте, мы ищем опору,
А находим лишь проблемы вдвойне.*

*А когда мы, учуяв аромата зовы,
Бежим, совета ни у кого не спросясь,
То обретаем либо счастья оковы,
Либо находим на лепестках грязь.*

Сказав эти странные слова, хозяин пригласил гостя присесть к камину.

Красно-синие сполохи танцевали в темной пещере печи.

Кресла стояли друг напротив друга, поэтому, оставшись только вдвоем, хозяин и Корнелий долго изучали друг друга глазами.

Корнелий только сейчас открыл в себе возможность слышать отдельные мысли и очень удивился новой способности. В то же время с каждой секундой страх сжимал его сердце, силы оставляли, накатывало волнение.

«Поможешь, кукла, вдохнуть жизнь, награда», – видел Корнелий в черной голове хозяина дома.

– Я думаю, мы обменялись визитными карточками, – про-

изнес хозяин.

– Я хотел бы знать, зачем меня сюда привезли? – спросил Корнелий.

Хозяин усмехнулся.

– О, я знаю, что вас мучает неизвестность. Проникнуть в мои мысли, ощутить весь замысел вы, конечно, не можете. Впрочем, о деле потом. Всякому плоду нужно созреть. Я попрошу вас отужинать со мной. И прошу не отказывать. О деле поговорим потом.

Хозяин пригласил гостя в соседнюю комнату.

Она была ярко освещена с помощью множества свечей.

Стол был сервирован на две персоны, и выбор блюд порадовал. Несмотря на то, что кухня, вероятно, была отменной, и ужин проходил в полной тишине, Корнелий никак не мог сконцентрироваться на приеме пищи. Он это делал механично и безвольно, словно робот. Мысли хозяина уже не отражались в его мозге, прямого взгляда он избегал.

Также безвольно Корнелий попрощался и пошел на отдых в отведенные ему покои.

И лишь здесь к нему вернулась способность контролировать себя и соображать. Он несколько воспрянул духом.

«Он выпустит меня отсюда, но обязательно возьмет под контроль, обязательно!» – думал Корнелий. – «Необходимо

как-то выйти из сложного положения. Но как? Нужно что-то предпринять...»

Он сел, зажег лампу, увидел книжный шкаф и пробежал взглядом по полкам.

– Мне нужно, – думал он, скользя взглядом по корешкам.

Он четко представил, что ему нужно, и полка расплылась, изогнулась волной, вновь начала рисоваться из маленьких голубоватых точек и соткалась в стройный ряд книг.

Рука сама потянулась к синему томику Каверина.

Наугад раскрыл. И сразу нашел то, что ему необходимо – просто томик сам развернулся нужными страницами. Прочел литые и точные строчки писателя и, взяв лампу, подошел к тяжелой, узорчатой двери. Когда тень под лучами лампы упала поперек выхода, он силой захлопнул дверь.

Дверь ударила гулко, казалось, пошатнулся дом. Эхо разбилось сотнями осколков в уголках здания.

Корнелий на какое-то время замер, прислушиваясь – в воздухе застыла тишина. Рядом колыхалась зыбкая тень, будто сотканная из серого воздуха и лунного света.

Он мягко подошел к высокому венецианскому окну и осторожно отворил его, глядя в темнеющие заросли. Оглянулся – отделившаяся от него тень ступила несколько шагов, пошатываясь, а потом легко, словно пушинка, опустилась в кресло.

Корнелий натянул куртку и полез в окно. По лозам винограда стал спускаться. Потом мягко спрыгнул на клумбы.

Огляделся под серебристым куполом лунного сияния в сырой и прохладной тишине. Вся клумба была усеяна осыпавшимися дивными красными листьями.

Кто-то ткнулся о его штанину.

Корнелий быстро оглянулся и увидел огромного пса. Тот стоял, принюхиваясь. А затем, под взглядом Корнелия, прижал уши и заскулил.

«Ну, дружище, ты меня не съешь? Не съешь, хороший. Ты знаешь дорогу? Ну, как мне выбраться отсюда?»

Корнелий отдал немой приказ, и пес медленно побежал, останавливаясь, оглядываясь, как бы подзывая своего спутника.

Корнелий шёл неуверенно, с волнением думая об Элени. Что-то внутри него подсказывало, что девушки здесь нет!

Чуть наклонившись, он побежал за псом, петляя между ржавых кустов и осыпавшихся декоративных деревьев.

Высокая ограда выросла непреодолимой преградой на пути. Но пес не останавливался, он будто звал его за собой, дальше. Небольшая железная калитка притаилась за колючим кустарником.

Корнелий оглянулся – луна заливала серые деревья мертвенным цветом.

Дверь не подавалась. Корнелий старался сконцентрироваться. Потом его губы произнесли сами собой неведомые строки:

*Замки не скроют выход к свету,
Слова волшебные сильней!
Ни за брильянты, ни за монету,
Не обретешь свобод теней.*

Калитка медленно подалась. Корнелий сам удивился тому, какими удивительными способностями он обладал!

«Словно во сне», – подумал он.

Выйдя за пределы сада, он оглянулся на пса. Тот стоял неподвижно, лишь глаза угольками светились во полумраке. Прикрыв калитку, Корнелий побежал среди высоких деревьев, больше по интуиции выбирая направление.

Лишь под утро, исцарапавшись в кустах, хорошо проплутав в молочном тумане, он вышел на трассу, распознав ее по звукам машин. Тормознул ранний автобус, шедший из пригорода.

В городе гулял разноцветный ветер, сыпал водопадами багряно-желтую листву.

Когда Корнелий подходил к своему подъезду, то ощутил что-то враждебное. Не хотелось идти, но, преодолевая себя, он подошел.

У подъезда сидел человек из загородного дома. Одной рукой он опирался на трость, рядом с ним грозной черной горой застыл пёс, который теперь уже не казался таким добродушным.

– Господин Корнелий, я рад нашей новой встрече. Вы по-

кинули наш дом так внезапно, оставив в нем свою несчастную тень, которая не могла найти себе покоя. Но, к счастью, Ценур, мой пес, проследил за вами, да и догадаться, куда вы пойдете, не составило труда.

– Что вам от меня нужно? – глухо спросил Корнелий.

– Всего лишь выполнение нашей просьбы, – ответил хозяин.

Он представился:

– Зовите меня Яном Рэтом.

Но Корнелий мрачно сказал:

– Верните мне Элени. Иначе никакого разговора не будет.

Ян Рэт пристально посмотрел на него и кивнул:

– Хорошо. Но она будет погружена в сон. И проснется только тогда, когда вы выполните требование. Не раньше. А сейчас нам нужно серьезно поговорить.

Глава двенадцатая. Договор на холме

Ветер выл и поднимал крыльями плащи, когда они поднимались на высокий холм с пожелтевшей травой. Солнце купалось в тучах, то стыдливо скрываясь, то вновь показываясь в своей нагой коварной красоте.

С холма были видны осенние пышные краски лесов и полей, темно-синяя гладь озера, вызвавшая у Корнелия резкую тоску и печаль.

Ветер хлестал в лицо, когда Рэт повернулся к Корнелию и

заговорил громоподобным голосом, заглушая ветер:

– Будем говорить начистоту. До сих пор мы более-менее удачно читали мысли друг друга, но постоянно чего-то не договаривали.

– Да, хотелось бы объясниться... Вы вторглись в мою жизнь, не спросив меня и пытаетесь уничтожить даже то, что я имею, – хмуро сказал Корнелий.

Рэт слегка улыбнулся:

– Просто так сложились обстоятельства. Мне в моих планах не хватало важного элемента. И тут на моем пути возникли вы. Я отдаю должное вашим способностям – они безупречны.

Корнелий горько усмехнулся и покачал головой:

– Никаких способностей. Ну, разве что кроме самых заурядных. Я мало чем обладаю – обыкновенный авантюрист, выдавший себя за могучего волшебника, чтобы просто заработать.

Рэт улыбнулся:

– Позвольте вам не поверить. Не нужно притворяться невинным младенцем. Уйти из моего дома – никак не просто. Пусть фокус с тенью элементарный, но и он говорит о ваших немалых способностях и эрудиции. То, что вас волкодав не тронул, который и медведя порвет – это тоже многого стоит! Кроме того, за вашей деятельностью наблюдал мой человек.

– Я знаю – Дрозд, – хмуро кивнул Корнелий.

Все происходящее ему очень не нравилось. Он тяжело вздохнул, ловя ртом свежий ветер.

– Зачем вы притащили меня сюда? Здесь ветрено и прохладно...

Рэт обвел рукой окружающее пространство.

– Чтобы показать красоту и напомнить о богатствах мира. Многие лягут к вашим ногам. Ведь у вас проблемы с деньгами. Зачем же рисковать, идя на всякие опасные авантюры, связанные с волшебством?

Он помолчал, вслушиваясь в ветер, скривив губы в коварной улыбке.

– Так вот, деньги у вас будут. И немалые деньги! Да еще рука милой красавицы Элени!

У Корнелия сжалось сердце. Он внимательно посмотрел в розоватые глазки Рэта.

– Где она? Я думаю о ней – и у меня перед глазами белая стена, словно туман.

– Все верно. Так и должно быть. Не беспокойтесь о ней – она дома. И старый доктор в пенсне уже спешит к ней. Она будет спать и когда ее заберут в больницу...

Корнелий твердо сказал:

– Я хочу, чтобы ее вернули домой.

– Это можно сделать, но это опасно. Если не поддерживать в ней жизнь – она может умереть...

– Что я должен сделать?

– Не вы один, а еще и ваш приятель, – заметил Рэт.

– Который?

– Этот мастер кукол – Нестор.

– Ну, и что требуется?

– Создать человека.

Корнелий чуть не расхохотался.

– Ни много ни мало. Послушайте, а вы не перепутали меня с Господом? С демиургом?

– Нам нужен искусственный человек.

– Фантастика! Что я слышу? Вашему могуществу понадобился гомункул?

– Да. Нам нужно еще одно воплощение в земной жизни.

– Кому нам?

– Другому миру, который вам не доступен.

– Зачем вам нужен этот мир?

– Для полноты владычества в нем.

Корнелий широко и печально улыбнулся.

– До чего же старо – страсть к власти!

Рэт дернул плечами.

– Почему старо? Это вечно, как это солнце, которое укуталось в одеяла туч, как этот ветер. Но вас это не должно интересовать. Вам нужно созидать... Это ваша основная задача!

– А почему мы сами не хотим создать?

– Нам нужна девушка... Создать женщину, изначально созданную из ребра Адамова.... Нет, нам не по плечу.

Корнелий опять горько улыбнулся, глядя в серьезное, на-

пряженное лицо Рэта.

– А я, значит, смогу?

– А вы создадите приятную женщину, которая будет питаться... любовью. Тело создаст Нестор. Дух в тело вселите вы!

Корнелий покачал головой:

– Мне кажется это невозможным. Я могу отказаться?

– И тогда навсегда погубите себя и свою возлюбленную.

Поймите, ее жизнь и ваша – в ваших руках!

Наступила тишина, лишь завывал мерный, крепкий ветер, словно говорил стихами.

Корнелий внимательно посмотрел в темные, с красноватыми пятнышками безумные глаза – горошины Рэта.

И промолвил, тяжело вздохнув:

– Ну, хорошо. Видимо у меня нет другого выхода. А если у нас не получится?

Рэт улыбнулся и на мгновение Корнелий заметил у него остренькие крысиные зубки. – Получится. Я уверен. Ну что, Корнелий Александрович, стало быть подпишем договор? Он уже готов!

Один из спутников Рэта раскрыл маленькое переносное письменное бюро. Другой извлек из-под плаща густо испи-санную бумагу, перо, принадлежности, и закрыл широким плащом от ветра.

Корнелий склонился над бумагой. Перо было острое, стальное, чернила красные.

– Что это? – удивленно воскликнул Рэт, заметив, что Корнелий ставит вместо подписи крест.

– К сожалению, я разучился писать, – сказал едко Корнелий и посмотрел с холма.

На окружающих необозримых пространствах по-прежнему бушевал холодный ветер, на озере поднимались синие величественные волны.

Рэт жестко и хищно смотрел на него.

– Ну, как хотите. Это дела не меняет. А теперь пойдёмте... Вас отправят в город.

– Нет, оставьте меня здесь. Мне нужно побыть одному.

Он брел среди необозримых полей к печальным полунагим деревьям, на которых еще дрожали под ветром зелено-желтые и коричневые листья. Скрипели под ногами опавшие ветки, шелестела листва.

Сквозь острые ветки кустов сквозил полевой ветер. Кричали галки – гортанно, протяжно. Все звуки – крики птиц, треск сучьев, шелест листвы, напевы ветра раскатывались эхом до самого необозримого горизонта.

Видно было далеко: поле, усеянное остатками собранного урожая, торжественно плывущие, меняющие окраску облака.

Хмурые низкие свинцово-пепельные тучи спрятали солнце, а усилившийся острый ветер слегка морозил щеки.

Он шагал вдоль поля, по краешку лесополосы, шурша ковром осыпавшейся листвы, втягивая в себя запах земли, подгнившей листвы, грибной сырости, коры и веток. Ветер сушил его слезы – остатки горя и печали.

Корнелий нашел старые сломанные деревянные ящики. Достал газету из кармана, зажигалку, и вот уже язычки костра побежали вверх, запылал свежий костер. Языки пламени полоскались на ветру, будто флаг. Усевшись на пеньке, Корнелий грел руки у костра. Он пытался осмыслить всё произошедшее. Он понимал, что впереди бой и надо принимать его.

Глава тринадцатая. Встреча

Непомерно тяжелый, словно камень, сон посетил измученное тело только под утро. Дневная круговерть стала настоящим испытанием для Корнелия. Особенности страдания причиняла несчастная Элени: видеть любимую девушку недвижимой было нестерпимой мукой, и самое сложное было чувствовать свое бессилие в этой ситуации, когда ни мастерство заклинаний, ни ухищрения врачей, ни помощь друзей не помогали!

Тяжело было видеть быстро поседевшую, с кругами под глазами, красными от бессонницы и слез, Валерию Петровну; сотрясались от рыданий старческие плечи преподавателя Льва Яковлевича, которому Элени была как дочь, но, имен-

но благодаря его связям, Элени удалось устроить в хорошей клинике в отдельной палате.

Она лежала вся в белом, холодная и бледная и абсолютно не реагировала на окружающих, пульс еле прощупывался. Но дыхание было ровным, мышцы расслаблены. Элени была очень схожа с мёртвым человеком, но все же она спала, почти не подавая видимых признаков жизни. Возможно она слышала окружающих, но не могла отреагировать.

Опытный врач Юрчук констатировал летаргию на почве нервного стресса, но Корнелий – то знал истинную причину произошедшего, и у него сжимались со скрипом кулаки! Но поделать он ничего не мог!

На вторые сутки девушку покормили с помощью зонда. Врач Юрчук пообещал, что если ее состояние не улучшится, то ее отправят в столичный хоспис, где ее состояние будет изучаться и у нее будет надлежащий уход.

Валерия Петровна, вытирая слезы платочком, всё пыталась выяснить причины заболевания, но Юрчук недоуменно разводил худыми костлявыми руками.

– Всё возможно... – с грустью сказал он. – Может на нервной почве, вы же сами, Валерия Петровна, рассказывали о ее последних переживаниях по поводу невозможности иметь ребенка, когда она даже хотела уйти из жизни! А может это воспалительный процесс в мозге. Это делает организм уставшим, и он засыпает.... Но я твердо знаю одно: ее нужно выводить из этого состояния и как можно быстрее! Известно,

что человек не может длительное время обходиться без движения, без воды и пищи, поэтому продолжительная летаргия без возможности пробуждения очень губительна для организма. Не говоря уж, что это состояние смертельно опасно, человек проснется с букетом новых болезней. А если сон будет долгим – то еще постареет молниеносно, догоняя свой календарный возраст.

– Были ли случаи похожих заболеваний? – спросил присутствовавший при разговоре Орехов, тоже очень переживавший за Элени.

– Академик Павлов описывал одного больного по имени Иван, проспавшего двадцать два года! Он находился в кататоническом состоянии – лежал живым трупом без малейшего произвольного движения и без единого слова. Его приходилось кормить с помощью зонда. В последние годы перед собственным шестидесятилетием Иван постепенно начал совершать какие-то движения, в конце концов он смог вставать в туалет, а иногда и питаться без посторонней помощи. По поводу его прошлого состояния Иван рассказывал, что всё понимал, что около него происходит, но чувствовал страшную, неодолимую тяжесть в мускулах, так что ему было даже трудно дышать. Он умер уже после революции в восемнадцатом году от сердечной недостаточности.

Слезы обильно оросили измученное лицо Валерии Петровны.

Орехов проводил плачущую женщину домой, успокоил

ее, велев тут же лечь поспать, а сам, выйдя с Корнелием во двор, пригласил его для беседы в сад. Корнелий немного смутился, но обстоятельства были таковы, что им обоим было не до церемоний.

– Скажи, дорогой Корнюша, ты узнал меня? – мягко спросил Игорь Владимирович.

Корнелий смущенно кивнул, посмотрел внимательно в лицо Орехову и сказал:

– До сих пор не могу поверить своим глазам! Игорь Владимирович, как вы здесь оказались? Такая встреча – я не думал – не гадал, что вас ещё когда-либо встречу, что тот сказочник, о котором мне Элени рассказывала много хорошего – это вы!

Орехов выслушал с нарастающим волнением и предложил присесть в беседке.

Ветер с бешенством свистел в ветвях, кружил и нес листья. Один из них прилип к щеке Игоря Владимировича и тот смахнул его, всё так же смущённо улыбаясь.

Сев на скамью, он во все глаза смотрел на Корнелия. Тот заметил, что в грустных его глазах поблёскивали льдинки и тут же таяли.

– Вот, приехал на могилку Аглаи Петровны, – промолвил наконец Игорь Владимирович.

– К маме? А разве вы любили её? – подсевшим голосом спросил Корнелий.

Игорь Владимирович вздохнул:

– Ну, как тебе сказать... По-своему я очень ее ценил и уважал. Скажу откровенно – как мужчина мужчине. Понимаешь, в трудное время, когда у меня было трагическое для меня расставание с другой женщиной, именно твоя мама поддерживала меня! А главное – я очень привязался тогда к тебе, славному мальчугану, мечтал, чтобы у меня был такой сын... Но, так получилось – судьба разлучила и нас! Все эти долгие годы я думал о тебе: где ты, как живешь, всё мечтал тебя увидеть! Думал – стал уже взрослым, самостоятельным мужчиной... Но в своих представлениях я по-прежнему видел тебя мальчиком, играл с тобой, водил в парк, на карусели и в кино, покупал мороженое, читал книги, сочинял тебе сказки.

Корнелий кивнул:

– Да, я все помню! Я все ваши сказки наизусть помню! А когда вы внезапно ушли из нашей с мамой жизни – мне сначала так не хватало вас!

Игорь Владимирович слегка нахмурился, опустил голову, и положил свою большую руку с седыми волосинками на узкую ладонь Корнелия:

– Прости, но так получилось. Не всё у нас с мамой ладилось... Конечно, всё можно подправить... Но тогда по молодости да по глупости мы разорвали отношения, каждый пошел своим путем, а я ещё, к тому же, где-то в глубине души любил ту, другую, которая была и есть для меня недоступной. Но счастье – то было рядом! Воистину, не знаешь, где найдешь, а где потеряешь... Спустя годы я хотел разыскать

вас, узнать что-то о тебе и о маме, повидаться с вами. И уже тут узнал, что она ушла...

Корнелий кивнул, глядя невидящими глазами на желтеющий листвою сад:

– Да, мама ушла два года назад... Сердце... Но, я клянусь, она помнила о вас до последнего дня, берегла фотографии с вами... Вы говорите, что помнили о нас, хотели увидеть, но вы ... опоздали...

Орехов опустил лицо со слезящимися глазами:

– Да, я опоздал... Все эти годы я мечтал о встрече с тобой. Я продолжал писать сказки. Одну из них я посвятил тебе. Я написал сказку о том, что ты стал волшебником, помогающим людям!

Корнелий вздрогнул:

– Не верю!

– Истинно так!

Корнелий поднял в изумлении плечи и развел руками:

– Да, дело в том, что так оно и вышло! Что-то неуловимое с какого-то времени стало звать меня, подвигать на различные дела... Будто какой-то дух поселился во мне! Стали открываться необычные способности. И я решил их использовать, когда начались проблемы с работой и деньгами. Думал – просто обман и заработок, а получалось – помощь и забота. Вот уже нескольким людям помог! Но, есть и не очень хорошие поступки, признаюсь...

– Даша? – спросил Игорь Владимирович. – Расставание с

ней?

– Вы и это знаете...

Игорь Владимирович сказал твердо:

– Ну, такое в жизни бывает и, увы, неизбежно... О Даше можешь не беспокоиться – я помог ей! Она будет счастлива.

– Но как? – удивленно спросил Корнелий.

– Просто я написал для нее хорошую сказку. О море, о ней, о человеке, который ее полюбит! Как и о тебе тогда, в те далекие годы! Я так хотел, чтобы ты стал счастливым! И представил, что ты встретишь необыкновенную красивую девушку, и вы полюбите друг друга! Ты встретишь ее там же, где и я встретил свою большую любовь – на остановке, недалеко от набережной, под дождем!

У Корнелия загорелись глаза:

– Что, и в вашей жизни было нечто похожее?

– Да, я встретил свою возлюбленную тоже на остановке. Она забыла сумочку. И звали ее чудесным именем Елена! Елена Прекрасная, как в эпических поэмах Гомера! Только я хотел, чтобы ты был счастливее меня!

– Да, я встретил Элени на остановке в дождливый день! А потом разыскал ее и признался ей в любви!

– Вот видишь, даже сказки иногда сбываются! – воскликнул Игорь Владимирович.

Они помолчали, глядя на медленно опадающий сад, вдыхая пряный запах осени. Каждый думал о своем.

– Да, но что делать нам сейчас, как помочь Элени? – на-

конец промолвил Корнелий.

И всё начистоту рассказал Орехову.

Тот выслушал внимательно и задумался:

– Да, тут сказкой, пожалуй, не поможешь! Мы столкнулись с мощными противодействующими силами!

Корнелий сказал:

– Выход пока один – выполнить их требование.

Писатель кивнул головой:

– Да! Если у вас есть такая возможность! А дальше посмотрим! Сражение еще не проиграно!

И добавил:

– Слушай, Корнюша, а давай перейдём на «ты» – все-таки мы близкие души...

Корнелий кивнул и тут же добавил:

– Игорь Владимирович, мы заговорились, между тем мне надо спешить! Уже начинает темнеть... Дело-то срочное и те, кто нас обложили со всех сторон, не шутят!

Орехов кивнул:

– Да, конечно! И обещаю за это время что-то придумать. Помочь и действием, и словом!

Пожав руку писателю, Корнелий вышел со двора и зашагал по нарядной от осыпавшейся листвы аллее. Но он не замечал навязчивой красоты осени, улетающих птиц, как не заметил и отделившегося от дерева человека в куртке с наброшенным на голову капюшоном, который слышал весь разговор.

Отойдя в полумрак деревьев и кустов, человек в капюшоне вдруг уменьшился ростом и, спустя миг, летучей мышью взлетел над деревьями.

В городе шумел влажный ветер, обнося сады и скверы. Становилось все сумрачнее, но тьма отступала под желтыми огнями фонарей и сиянием разноцветных окон.

Корнелия догнал телефонный звонок. Звонил Нестор:

– Давай ко мне срочно!

– Уже иду. А что у тебя?

– Да дело есть!

– О деле я знаю. Какая беда?

– Ох... Валя попала в автокатастрофу. В тяжелом состоянии. Для лечения нужна кругленькая сумма! И мне сделали предложение, от которого не откажешься... Видимо, как и тебе.

– Ох, да... Действительно, обложили гады со всех сторон!

– А ты знаешь, кто от Него приходил? Дрозд, сука, не думал, что он такой мерзавец... Пригрел змею... А я –то думал, он дружан настоящий...

– А он мне сразу не понравился – еще с весны. И следил за мной уже давно... – сказал в трубку Корнелий. – Ладно, ты что-то уже сделал? Время, как ты понимаешь, не терпит отлагательств.

– Подобрал материал, посмотрел рисунки, все прики-

нул...

– Рисунки?

– Эта мразь Дрозд еще и рисунки притащил... Так сказать – заказ, чего они хотят...

– Ладно, я вызываю такси и еду к тебе, там посмотрим рисунки... И начнем срочно делать!

И Корнелий решительно начал набирать номер на телефоне.

Глава четырнадцатая. Немного об ожившей кукле

В подвальчике горели лампы, шумел в печи огонь, багровые отсветы которого дрожали на лицах кукол, на разложенных одеждах, будто сшитых для сказочных карликов. Обстановка казалась напряжённой и зловещей. Лишь сосредоточенная выдержка и воля могли этому противостоять.

В тот же вечер, в лихорадочном возбуждении размахивая руками, рассказывая Корнелию о своём проекте, Нестор под конец сказал:

– Работа изысканная и тяжелая одновременно. Очень тяжелая! Вообще на изготовление куклы уходят две – три недели. Мы не можем себе этого позволить. Нам нужно вложиться в несколько дней. Попробуем поставить рекорд! Попробуем!

Корнелий, сидя в скрипучем кресле, отвечал с сомнением:

– Нам ничего другого не остается... Ты думаешь успеем?

– Всё зависит от сложности заказа. От заказа всё зависит... Но...

Нестор обвел рукой пространство, с которого в тысячи глаз глядели куклы, добавил:

– Но, к счастью, у меня уже есть достаточное количество готового материала, отдельно заранее припасенные детали.

Работа закипела по ясному звону храмового колокола, медленно вплывшего в открытую форточку.

Когда в один из дней из этого материала стала вырисовываться фигура, Корнелий, глянувший новорождённой кукле в лицо, присвистнул:

– Да, настало такое время, когда при помощи новых материалов и технологий достигается пугающее сходство!

Нестор, любуясь своим созданием, говорил:

– У каждого кукольного мастера бывает своя первая настоящая кукла, если так можно выразиться – свой Адам, после которого очень сложно бывает остановиться. Очень сложно остановиться бывает...

– Увлекаешься, затягивает?

– Само собой! Сотворение кукольного мира притягательно, всякий раз рождается соблазн создать новую. Куклы начинают рождаться сами собой, сначала в твоём воображении, затем – прямо под пальцами. Готовые, они отделяются от тебя, начинают жить самостоятельно. Так говорят все кукольные мастера. Обычно еще добавляют: «Их нужно отпус-

кать». Отпускать их нужно!

Когда кукла наконец обрела глаза и трудоемкий процесс был завершен, Нестор, отбросив в сторону тряпку, вытирая усталой рукой блестящую от пота шарообразную голову, сказал Корнелию:

– Ну, теперь дело за тобой. Как ты будешь оживлять ее?

Корнелий стоял над куклой, разглядывал ее, наморщив лоб.

– Я уже думал над этим. За основу я взял старые традиционные приемы плюс собственные догадки. Интуицию, так сказать... Дело в том, что любой предмет обладает своей энергетикой, которую можно «вытянуть» и направить в нужное русло. Магические практики доказывают это. Ладно, дождемся ночи. Надо будет приготовить пурпурные свечи.

Нестор кивнул:

– Уже куплены... Куплены... Кстати, чем объясняется такой выбор цвета?

– Яркий пурпурный цвет – нужной настрой во время магических действий. Эти свечи раскрывают скрытые возможности, защищают от магических воздействий со стороны. Они ещё и очищают от сильного негатива, дают возможность для развития интуиции, для решительных и мудрых действий, – объяснил серьёзный Корнелий.

Велев Жорфе произвести уборку, Нестор устало повалился в кресло у огня.

Когда в комнате стемнело, и бледная луна нависла на

небе, простирая в окно свои лучи, Корнелий, весь собранный, сосредоточенный, подготовленный морально и физически, промолвил:

– Итак, вот что нужно проделать: дать кукле имя!

– Но у нее уже есть имя, – возразил Нестор. – Имя-то есть... Лилит. Или Лилиана...

– Почему?

– Это не удивительно, – быстро заговорил Нестор. – Ведь мы создаем демоническое существо. В ранних христианских апокрифах Лилит считалась первой женой Адама, позже – женой ангела смерти Самаэля и матерью демонов... Я читал это в книге «Зоар» ... В книге читал про это...

Корнелий строго и серьезно посмотрел в глаза Нестору:

– Но мы ей дадим другое имя – магическое. Пусть она будет Гекатой – древнегреческой богиней лунного света, преисподней и всего таинственного.

Нестор от удивления раскрыл рот, как будто что-то припоминая.

– Геката... Кажется, она из первого поколения титанов. Но Зевс, после свержения титанов, оставил ей власть.

– Да, есть такая версия. Но по другой – греки заимствовали Гекату у фракийцев –этих северных варваров... – сказал Корнелий.

– Все это интересно, но что мы должны делать дальше?

В комнате воцарилась полная тишина, даже Жорфе, испуганный непонятной, гнетущей мистической атмосферой,

скрылся в своей каморке.

Корнелий велел зажечь семнадцать пурпурных свечей, и, пока Нестор возился с этим, выглянул в окно. Улица была темна и безлюдна.

Когда сине-алыми язычками запылали свечи, Корнелий сказал:

– Вот что... Попробуем воздействовать на ее органы чувств. У тебя есть фарфоровая чаша?

– Найдется...

– Размешай в ней сахар.

– Она будет это пить?

– Наверняка.

Нестор, блестя лысой головой, мчался из кухни с сосудом, тонким, как бумага.

Когда вода коснулась губ куклы, они чудом посвежели, а стеклянно-снежные капли разлетелись горошинками по телу.

– Надеюсь у нашей красавицы пробудился вкус, – сказал Корнелий. – Ну, вот. Начало положено. Теперь разотрем ладони куклы, чтобы пробудить осязание.

Он энергично принялся за дело, отдав следующее распоряжение:

– Принеси одеколон. Хотя, стоп, лучше духи. Найдутся у тебя духи?

Нестор застыл.

– Сейчас посмотрю, но, по-моему, Лиза, уходя, все свое

забрала с собою.

Он рыскал по квартире, хлопая шкафчиками.

Корнелий остановил его:

– Ладно, лучше принеси мне зерна кофе. Будем воздействовать на ее обоняние...

Следующим действием было пробуждение слуха. Корнелий поднес к ушам куклы две ложки и постучал ими.

– А теперь потушим свечи, – сказал он.

Комната окунулась во мрак. Лишь лунная нить, скользя, озарила лицо спящей девушки (Нестор испуганно заметил про себя, что подумал о кукле, как о живом существе).

Корнелий блеснул желтым снопом фонарика ей в глаза, мерно считая до десяти. Кукла призрачно и сказочно сияла во тьме. Скрыв свое создание черной тканью, Корнелий шептал заклинание, закончившиеся словами, которые едва долетели до ушей Нестора: «Возродись из мира неживых. Призываю тебя. Призываю тебя. Призываю тебя».

Корнелий и Нестор проводили другие обряды, время пролетело быстро и за окном засинело утреннее небо. Оба были полностью опустошены, словно отдали всю свою энергию Гекате и потому еле стояли на ногах. Появился Жорфе, с какого-то момента не принимавший участия в действе, но, указав пальцем на куклу, удрал в соседнюю комнату, повизгивая от беспокойства.

Корнелий первый свалился на диван и погрузился в абсолютно черный, без сновидений сон.

Нестор еще держался, но и у него кружилась голова, ноги заплетались от невероятной усталости. Дойдя до кушетки в мастерской, он свалился замертво.

Позже, очнувшись, он увидел, что часы уже показывали десятый час, и комната была озарена золотым блеском солнца. Он позвал Жорфе, но тот не откликнулся.

Нестор вошел в комнату. Корнелий спал на диване, раскинув руки. Нестор обернулся к столу, где лежала кукла. Она исчезла.

Глава пятнадцатая. Легенда о Крысолове

В шесть дней мир как будто замер в своем вечном движении, и ничего решительно не происходило. Впрочем, именно эти дни принесли друзьям значительное облегчение.

И осенние ветры успокоились, и вновь заблестало теплое солнце, и, казалось, на какое-то мгновение выглянуло из небытия веселое лето. Небо стало похожим на сгущенную глазурь. Из него летела паутина, блиставшая серебром в золотых лучах.

И стало лучше Валентине: как сказал врач – дело пошло на поправку, и счастливый Нестор бывал у нее ежедневно, принося цветы и фрукты.

И красавица Элени, наконец-то, воспрянула от сна и посмотрела на мир взглядом счастливого человека.

Это произошло так.

Корнелий поспешил к ней в то же утро, когда ушла кукла, и застал девушку в том же состоянии. Он с ужасом подумал, что коварный Рэт просто-таки обманул его!

Он пытался разыскать Рэта, и, подключив все свои способности, день спустя появился в лесу, в таинственном доме.

В тот день вновь зашумел холодный ветер, и низко бежали по небу рыхлые тучи. Корнелию казалось, что он затерялся в тусклых полях, среди черных лесных деревьев с бронзовой листвой. Мелкий дождь сменился серым туманом, окутывающим лес и залеплявшим глаза.

Корнелий устало брел по бурой траве, шурша опавшей листвой, но все же отыскал дом, в котором был.

Здесь тоже шумел серый ветер. Он посвистывал в разбитых окнах дома, звенел льдистыми кусками стекла.

Поразительно – но сам дом изменился! Стены разрезули извилистые, будто молнии, трещины. Заглохший сад был мертв, большой забор, окружавший дом, оказался ветх и расшатан.

Внутри дома было пусто, там не жили, по крайней мере, последние лет пять.

У дверей валялся скелет собаки.

Загадочный Рэт исчез! В тот же день по телевизору передали о найденном трупе молодого мужчины. Погибший был найден в реке, но вода еще не успела обезобразить его лицо. Корнелий по представленным фото сразу узнал Дрозда.

Все ниточки оборваны?

Никакие богатства мира, конечно-же, не свалились к ногам друзей. Но, главное, Элени оставалась в тяжелом состоянии!

В отчаянии Корнелий делился своим горем с Ореховым. Писатель долго размышлял, шагая по пылающему багрянцем и золотом саду. Корнелий следил за ним, сидя в беседке, уныло опустив голову.

И вдруг Орехов, решительно взяв Корнелия за рукав, повез его в больницу. Сказочнику явно пришла в голову какая-то новая идея, и потому, ни о чем не спрашивая, Корнелий последовал за ним.

В большой чистой палате неподвижно лежала Элени.

Орехов велел поцеловать ее. Когда губы Корнелия дотронулись до прохладных губ Элени, то ее лицо вдруг порозовело, щеки стали пунцовыми, и глаза распахнулись.

Радости не было границ!

Уже на следующий день Элени могла свободно ходить по больничному саду, головокружения прекратились.

Широко раскинулось бледно-фиолетовое небо, и шептала свои осенние песни листва. Но на сердце девушки лежала томительная тяжесть, кровь бурлила, приливая к вискам.

Врач констатировал значительное ослабление всего организма, но к концу недели, после усиленных процедур, согласился выписать Элени под наблюдение домашнего врача.

В тот день Корнелий спросил Орехова:

– Как ты догадался, что Элени вернется к нам после по-

целуя?

– Вспомнил о спящей красавице. Помнишь эту замечательную сказку? Самый лучшие ее варианты представили Шарль Перро и братья Гримм. У Перро из-за проклятия злой феи девушка погружается в длительный магический сон, и ее спасает только поцелуй принца. В данном случае в роли принца выступил ты!

– Но они еще могут повредить ей? – с тревогой спросил Корнелий

– Не должны, – сказал задумчиво Орехов. – Вы с Нестором свои обязательства выполнили, фантом – ожившую куклу они получили. Вот только...

– Что только? – почувствовал тревогу в его голосе Корнелий.

Они разожгли костер, сели на скамейке у шелестящих пурпуром язычков пламени, и Орехов продолжил:

– Дело-то вот в чём: вы выпустили в мир зло... И неизвестно как оно проявит себя...

– А я еще и договор подписал! Правда они его не выполнили! – горячо воскликнул Корнелий.

– Не выполнили потому, что ты крест вместо подписи поставил. И этим договор сделал незаконным. Видимо вмешались другие силы, и Рэту, и его черной компании пришлось скрыться!

– А кто они, эти Рэт и его черная компания, как ты думаешь?

– Я думаю Рэт – это Крысиный король.

– Крысиный король? Вроде что-то слышал... А что вообще о нем известно?

Орехов наморщил лоб, припоминая:

– О, это очень древнее европейское сказание. Считается, что Крысиный король состоит из нескольких крыс, сросшихся или связавшихся узлом своими хвостами. Другие крысы якобы кормят своего Короля и заботятся о нем. По другим легендам Крысиный король связан с нечистым и обладает искусством принимать человеческий облик. Появление полчищ крыс и Крысиного короля всегда связывали с черной смертью – болезнями и мором. Много легенд и преданий связано с этим.

– Да, помнится я читал об этом. Кажется у немецкого писателя, как его... Гофмана, – сказал Корнелий.

Орехов пошевелил палкой угли костра.

– Да, это «Щелкунчик». Правда там Мышиный король, но это сути не меняет, сказал он задумчиво. – У нашего романтика Александра Грина в рассказе «Крысолов» этот король представлен как оборотень. Интересный роман по этому поводу написал Мьевиль.

– Понятно, ничего хорошего, – сказал Корнелий мрачно. – Надо что-то придумать.

– Да, нужно как-то выйти из положения... Раз они исчезли – значит боятся разоблачения.

Оставив костер догорать, они вышли за ворота дома и

медленно пошли по улице, шурша опавшей пунцовой листвою.

– От крыс можно избавиться, обезглавив их полчища. Значит удар нужно нанести по Рэту и его фантому Гекате, – сказал Орехов.

Почти весь день Корнелий провел с Элени. Внезапно похолодало, и они сидели у уютной печи, подбрасывая туда поленья, а затем уголь. Багрово-белые языки пламени, полыхая, всё веселее поднимались вверх, и печь гудела, как старый паровоз. Долго сидели, обнявшись. Плечи девушки были накрыты белым платком.

Довольная Валерия Петровна угощала их всякими домашними вкусностями.

Затем Корнелий читал стихи, и Элени заметно становилось лучше. Она оттаивала и возрождалась к жизни. В этот вечер ее особенно тронула «Молитва» Лермонтова.

*В минуту жизни трудную
Тесниться ль в сердце грусть:
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.
Есть сила благодатная
В созвучье слов живых,
И дышит непонятная,*

Святая прелесть в них.

С души как бремя скатится,

Сомненье далеко -

И верится, и плачется,

И так легко, легко...

Трудно было расставаться, но Элени нужно было соблюдать режим.

Корнелий шел по умершему, некогда шумному саду, по опустевшим улицам, где в темноте маяками горели оранжевые фонари, хрустя ледком луж, в которых лежали вмерзшие чёрные листья. Он шел и думал, глядя на желтоватый круг, обрамляющий одинокую луну, на россыпь холодных, будто бриллианты, звезд.

Дома ночь прошла у Корнелия в напряжении.

Он рылся в книгах в поисках выхода. Ему вспомнилась старинная легенда о флейтисте или Крысолове. Он полистал энциклопедию, посмотрел статьи в интернете.

Самый известный вариант легенды о Крысолове гласил, что однажды немецкий город Гамельн, что у реки Везер, подвергся страшному нашествию крыс. Злобные серые твари напали на домашних животных, кошек и собак, и даже на младенцев в люльках. Никакие предпринятые меры не помогали избавиться от грызунов, наглевших с каждым днём. Магистрат был вынужден объявить о награде любому, кто

избавит город от крыс.

И вот в один из июньских дней 1284 года появился худощавый человек средних лет, одетый в пестрое разноцветное платье. Кто он был и откуда – неизвестно. Объявил он себя Крысоловом и обещал избавить город от грызунов за большое вознаграждение.

– Ты его получишь, только выполни своё дело, – сказал уже пожилой, полноватый на вид бургомистр.

– А что дадите? – спросил Крысолов, поблескивая глазами.

– Мы дадим столько золота, сколько ты сможешь унести! – был ответ.

Поверив на слово, Крысолов извлек волшебную флейту и начал играть немного странную, но красивую мелодию. Игра его была увлекательна и безошибочна, мелодия постепенно ускоряла темп. Так играя, он дошел до площади, и под чарующие звуки из домов стали выползать мыши и крысы, собираясь вокруг музыканта. Когда площадь заполнилась серыми попискивающими телами, Крысолов медленно пошел прочь из города, в сторону реки Везер. По дороге к нему присоединялось все больше грызунов, и вскоре огромная крысиная армия шествовала за флейтистом. Забавная зовущая мелодия постепенно затихала вдали. Очевидцы рассказывали, что искусный музыкант на лодке выплыл в быстрые темные воды Везера. Полчища околдованных беспомощных крыс и мышей последовали за ним в реку и утонули.

Жители радовались избавлению от страшной беды и ликовали. Но на Крысолова никто внимания не обращал. Более того, магистрат успел пожалеть о данном им обещании. Декан местной церкви заподозрил музыканта в связи с нечистым. Когда флейтист обратился за наградой, ему отказали.

– Пошел прочь, мошенник, – сказал бургомистр. – Ты ничего особенного не сделал, чтобы заслужить награду.

– Но вы же обещали! Я ведь выполнил свою работу! Теперь город спасен от болезней.

– Мне еще раз повторять? – гневно колыхнул брюхом бургомистр. – Убирайся, пока цел!

Огорченный Крысолов покинул город, и долго его фигура виднелась с городских ворот на пыльной дороге, пока не исчезла в лесу.

«В день Иоанна и Павла, что было в 26-й день месяца июня» музыкант внезапно появился в городе в костюме охотника. На голове у него была красная шляпа, украшенная пером. Крысолов заглянул в пивной погребок, а потом, вытирая усы, пошел по улице. Достав из сумки свою чудесную флейту, он заиграл медленную плавную мелодию, звуки которой взлетали ввысь к верхушке местного собора, а потом медленно опускались на каменную мостовую. Заскрипели двери и открылись окна. Люди были околдованы волшебной музыкой. Но на этот раз к музыканту сбежались все городские дети. Флейтист заиграл более веселую мелодию и, пританцовывая, пошел по улице. За ним, как замороженные, то-

пали мальчики и девочки, и никто из очарованных взрослых не мог их остановить. Так и шли за музыкантом дети, как ранее крысы. Покинув пределы города, они навсегда исчезли в дубовом лесу.

Корнелий обратил внимание, что существует несколько версий легенды о гамельнском Крысолове, которого иногда именуют в источниках «дудочником», «волынщиком», «пёстрым флейтистом», в том числе есть и вариант с утоплением детей в реке.

Корнелий читал до тех пор, пока его не сморил сон.

Ранним утром он очнулся в полной тишине. Комнату наполнял непонятный свет, потоками лившийся из окон. Рядом лежала раскрытая книга.

Корнелий встал и подошел к озарённому призрачным светом окну. Дорога, дома, деревья укрылись нежным, словно пух, снегом.

Было торжественно и тихо, и стало как-то легко на душе.

Корнелий не спеша оделся и вышел из дома. Было причудливо, магически светло от снега. Сокровенная тишина, повисшая в морозном воздухе, нарушалась лишь криком черных птиц, которые, взлетая, стряхивали с веток снег.

Корнелий шел, и простые, нужные мысли внезапно родились в его голове.

В тот же нарядный, хрустящий белым покрывалом день, Корнелий поделился мыслями о Крысолове и своими дальнейшими планами с Ореховым.

Игорь Владимирович внимательно выслушал его.

– А что, идея интересная. Музыкантов можно найти. И пригласить их в башню. Но куда вывести всю эту нечисть?

Корнелий блеснул весёлыми глазами:

– Ну, это-то самое несложное! Труднее заманить их в башню. Для этого нужно найти отличных музыкантов, которые будут исполнять мелодию, увлекая окружающих. Со временем темп игры будет постепенно нарастать. Вспомните, ведь когда мы слушаем очень красивую мелодию – время пролетает быстрее! А если играть её с большей скоростью – время бешено полетит вперед, пока не замкнется в кольцо. И крысы тогда...

Орехов внимательно посмотрел в его глаза, полные твёрдости и решительности.

Глава шестнадцатая. Загадочное происшествие в одной стране

Из статьи в «*Политическом вестнике*»

«В местных средствах массовой информации победа Гекаты Долл не вызвала большого удивления, так как кандидата в последнее время щедро жертвовала суммы на благоустройство города и на содержание пансионата для бездомных детей. Поэтому красавица пани Геката снискала искреннюю любовь горожан. За кандидатуру двадцатипятилетней женщины проголосовали депутаты сорокатысячного города

Стара Вэжа. Геката Долл баллотировалось на должность мэра от партии "Радикальное движение" созданной советником нашего президента Михаэлем Потканом – тем, кто в период последней войны был сторонником беспощадного уничтожения врагов.

«Я очень рада тому, что руководству партии хватило силы и воли, чтобы поддержать меня, женщину, в качестве кандидатуры на такой высокий пост», – сказала новая градоначальница. И отметила, что уважение к радикальному движению и ненависть к врагам является «примером для всей страны и за ее пределами». Это она заявила агентству France Press.

Однако в стране гораздо большего внимания заслужила не ее победа, а борьба за пост мэра с Владиславом Кацевичем, сторонником разоружения и примирения».

Трагедия во время инаугурации *(Из сообщения по главному телевизионному каналу страны)*

«Трагедией закончилось вступление пани Гекаты Долл на пост мэра города Стара Вэжа. Многих поразило то, что произошло в старой башне.

21 апреля ... года пани Геката Долл вступила в должность мэра Старой Вэжы, принеся присягу на Уставе города в Белом зале столичной мэрии. Старейшина города вручил пани Долл должностной знак мэра и зачитал поздравление от Президента.

Как рассказывают очевидцы, в тот же день рано утром в город вошли нарядно одетые, искристо улыбающиеся молодые музыканты, среди которых были флейтисты, дудочники, скрипач, валторнист, альтист, контрабасист, барабанщик. На вопросы они отвечали шутками, но можно было понять, что они прибыли издалека играть для их любимого политика пани Долл. Несмотря на декларируемую дальность дороги, музыканты вовсе не выглядели уставшими и помятыми. Больше никто факту прибытия неведомых гостей музыкантов не придавал значения, и все переключились на церемонию инаугурации и на объявленные по этому случаю народные гуляния.

Уже под конец церемонии пани Геката начала прислушиваться к дивной музыке, доносящейся из башни, которая, как известно, находится во главе площади Согласия. Пани Геката улыбалась, быстро покинула Белый зал мэрии, радостно устремилась к высоко возвышавшейся башне из бело-серых стен и темно-розовых окон которой лилась музыка. Это старались приехавшие музыканты.

– Панове, это очаровательно, – восклицала пани Геката. – Туда, панове, туда.

И с улыбкой шагала по каменным квадратикам площади. Свита пани Гекаты пытались остановить ее, но потом были вынуждены покориться причуде нового мэра, ее страсти к музыке.

От очаровательной мелодии, звучащей в башне, оторвать-

ся было нельзя, причем музыканты играли ее все быстрее, и приближенные нового мэра, сами себя уже не контролируя, взявшись за руки, стали водить в розово-сиреновом сумраке башни веселый хоровод. Хороводное кружение длилось очень долго, ставясь всё неистовей!

И тут произошло самое страшное! Лица танцующих постепенно покрывала сетка морщин, да и сама пани Долл поразительно изменилась! Сохранилось несколько ее фото. Новая градоначальница старела на глазах и вскоре превратилась в горбатую, худую, беззубую старуху. Спустя время она выпустила руки танцующих и рассыпалась в прах! Переменялась и ее свита! Они превратились в старых седых крыс, попискивающих от восторга!

Еще мгновение, и толпа танцующих крыс, вслед за музыкантами, вышла из башни и, делая замысловатые па и пируэты на каменных плитах дороги, пошли вон из города.

Вскоре они свернули с трассы на грунтовую дорогу, ведущую через дальний лес к речке и исчезли в пыли».

Из статьи в еженедельнике «День»

«...события того дня ошеломили общественность не только города, но и страны. Изумлённые горожане, однако, не пренебрегли программой городских увеселений, гуляя до утра.

Происшествие расследовала специально созданная государственная следственная комиссия. Однако расследование

мало чего дало! И музыкантов, и тех, кто шел за ними и след простыл! Они исчезли, будто их и не бывало! Прах пани Долл был собран и торжественно захоронен. Президент обратился к ученым для выяснения странного феномена, но те только разводили руками!

Через месяц назначены новые выборы».

Эпилог. Главное чудо

Весенним сиреневым вечером Элени родила мальчика. В тот день шелковисто шелестели деревья, а ночью прошел тихо мерцающий дождь.

Утром Элени проснулась и какое-то время лежала в залитой белым светом палате. Она почувствовала необыкновенный восторг перед этой гулко шумящей весенней красотой, ласкаемой молодым шаловливым солнцем. Под стремительным ветром цветущие деревья торжественно осыпались. Голосисто пели радостные птицы. Одна из них села на цветущую ветку, подвигала головкой с острым клювиком, запела, а потом вспорхнула и мгновенно пропала. Белыми хлопьями посыпались нежные лепестки.

Ей принесли мальчика на кормление. Слова радости, душевное умиление захлестнули ее. Весь день и всю ночь ее наполняло какое-то детское сладкое восхищение миром, жизнью, людьми...

На пороге больницы ее встретил Корнелий. Валерия Пет-

ровна была дома, готовилась к приему нового члена семьи.

Они ехали по обновленному весной городу, а в руках у Элени попискивал маленький сверточек.

Они вышли из машины и огляделись.

На голубом небе плыли жемчужно-белые облака. Мир словно распахнул ворота, выпустив радостную нарядную весну и звонкое счастье.

У калитки Элени поцеловала Корнелия:

– Милый мой волшебник! Это твое самое главное чудо!

Март – июль 2016 года.

Для подготовки обложки издания использована художественная работа Светланы Письменной «Элени».